

ISSN 2310-8673

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Социодинамика

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-03-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук,
porov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-03-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2409-7144

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала "Философская мысль". Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Епифанцев Сергей Николаевич - доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, член президиума РАЕН. 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42.

Локосов Вячеслав Вениаминович – доктор социологических наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук. 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, 32;

Каменева Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», профессор кафедры социологии и политологии, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33, kalibri0304@yandex.ru

Кодин Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству Российского государственного социального университета. 129226. Россия, г. Москва, Вильгельма Пика ул., 4, корпус 1.

Шилкина Наталья Егоровна – доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии молодежи и молодежной политики, Санкт-Петербургский государственный

университет, 191060, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Университетская набережная, 7-9. г. Санкт-Петербург, Россия, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Деметрадзе Марине Резоевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт культурологии министерства культур, профессор, РГУ РФ, 125993, ГСП-3, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070 Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики

и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, профессор. 7. 346428 г. Новочеркасск Ростовской обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, кафедра «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Мерзликин Николай Васильевич — кандидат философских наук, заведующий сектором социологического анализа политических процессов Института социально-политических исследований Российской академии наук. 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6,

корпус 1.

Зайцев Александр Владимирович - доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент, Костромской государственной университет, кафедра философии, культурологии и социальных коммуникаций Россия, Кострома, улица Дзержинского, 17/11, остромская область, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Семенов Владимир Анатольевич - кандидат философских наук, доктор социологических наук, профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления - филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: semenovrad@mail.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева,

Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет", Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул. Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, earinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Бесчасная Альбина Ахметовна - доктор социологических наук, Северо-Западный институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Профессор, Санкт-Петербург, Средний

проспект В.О., д. 57/43 aabes@inbox.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Зотов Виталий Владимирович - доктор социологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)», профессор департамента философии Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, 305004, Россия, Курская область, г. Курск, ул. Льва Толстого, 14 Г, кв. 16, om_zotova@mail.ru

Каменева Татьяна Николаевна - доктор социологических наук, ФГБОУ ВО Государственный университет управления, Профессор кафедры социологии, психологии управления и истории, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Профессор Департамента социологии, 109542, Россия, г. Москва, ул. Рязанский проспект, 99, kalibri0304@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Лукичев Павел Николаевич - доктор социологических наук, Южный федеральный университет, профессор, 345421, Россия, Ростовская область, г. Новочеркасск, пр-кт Баклановский, 138, кв. 138, lukichev@inbox.ru

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Рожкова Лилия Валерьевна - доктор социологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Пензенский государственный университет" , Заведующий кафедрой "Экономическая теория и международные отношения", 440000, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40, оф. 9 корпус, ауд. 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Скобелина Наталья Анатольевна - доктор социологических наук, Волгоградский государственный университет, профессор, 400121, Россия, Волгоградский регион область, г. Волгоград, наб. Волжской Флотилии, 1, кв. 180, volnatmax@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Филипова Александра Геннадьевна - доктор социологических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, Российский Государственный Педагогический Университет имени А.И. Герцена, старший научный сотрудник, Дальневосточный федеральный университет, профессор, 199397, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. ул Кораблестроителей, 39, кв. 637, alexgen77@list.ru

Editorial collegium

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Department of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the journal "Philosophical Thought". Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Epifantsev Sergey Nikolaevich - Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences. 344006, Russia, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya str., 105/42.

Vyacheslav V. Lokosov – Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences. 32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russia;

Tatyana Nikolaevna Kameneva – Doctor of Sociology, Associate Professor, Kursk State University, Professor of the Department of Sociology and Political Science, 33 Radishcheva str., Kursk, 305000, kalibri0304@yandex.ru

Mikhail Ivanovich Kodin — Doctor of Sociology, Professor, Vice-Rector for International Cooperation of the Russian State Social University. 129226. Russia, Moscow, Wilhelma Peak str., 4, building 1.

Shilkina Natalia Egorovna – Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology of Youth and Youth Policy, St. Petersburg State University, 191060, St. Petersburg, Smolny str., 1/3, natali.shilkina@rambler.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State

University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. Universitetskaya embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Cultural Studies of the Ministry of Cultures, Professor, Russian State University of the Russian Federation, 125993, GSP-3, Russia, Moscow, Miuskaya Square, 6.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070 Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Altai State University. 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61. Popov.eug@yandex.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy; M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Professor. 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa **P.** Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Professor, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, 191186, St. Petersburg, Moika River Embankment, 48, alpril@mail.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, 410054 Saratov, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Merzlikin Nikolay Vasilyevich — Candidate of Philosophical Sciences, Head of the Sector of Sociological Analysis of Political Processes at the Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences. 6, Fotieva str., building 1, Moscow, 119333, Russia.

Zaitsev Alexander Vladimirovich - Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kostroma State University, Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications Russia, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17/11, Ostrom region, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. aleksandr-kostroma@mail.ru

Semenov Vladimir Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Faculty of State and Municipal Administration of the North-Western Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: semenovrad@mail.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadiyevna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korablestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Beschasnaya Albina Akhmetovna - Doctor of Sociology, North-Western Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, St. Petersburg, Sredny prospekt V.O., 57/43 aabes@inbox.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz nadezhda-blejikh@mail.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Zotov Vitaly Vladimirovich - Doctor of Sociology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University)", Professor of the Department of Philosophy of the Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences, 305004, Russia, Kursk region, Kursk, Lva Tolstogo str., 14 G, sq. 16, om_zotova@mail.ru

Tatyana Nikolaevna Kameneva - Doctor of Sociology, State University of Management, Professor of the Department of Sociology, Psychology of Management and History, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia, kalibri0304@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical

University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Lukichev Pavel Nikolaevich - Doctor of Sociology, Southern Federal University, Professor, 345421, Russia, Rostov region, Novocherkassk, Baklanovsky Ave., 138, sq. 138, lukichev@inbox.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 line, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rozhkova Lilia Valeryevna - Doctor of Sociology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Penza State University", Head of the Department "Economic Theory and International Relations", 440000, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40, office 9 building, room 9-231, mamaeva_lv@mail.ru

Natalia A. Skobelina - Doctor of Sociology, Volgograd State University, Professor, 400121, Russia, Volgograd region region, Volgograd, nab. Volga Flotilla, 1, sq. 180, volnatmax@mail.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Filipova Alexandra Gennadievna - Doctor of Sociology, Vladivostok State University of Economics and Service, Head of Overall Study of Childhood Laboratory, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Senior Researcher, Far Eastern Federal University, Professor, 199397, Russia, St. Petersburg, ul. Korablestroiteley, 39, sq. 637, alexgen77@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Краев О.Л. Декоммеморация как фактор формирования коллективной памяти в Южной Америке	1
Попов Е.А. Духовная безопасность в условиях современного культурно-цивилизационного развития	10
Равочкин Н.Н., Попов Е.А. Концептуализация понятия "досуговые практики" в современной социологии	20
Виноградова И.А., Иванова Е.В., Блинова А.О. «Третья миссия» университета: исследование потенциала университетских кампусов во взаимодействии с городскими сообществами	33
Канныкин С.В. Социокультурные факторы появления и деятельности клубов любителей бега в СССР	50
Англоязычные метаданные	66

Contents

Kraev O. De-Commemoration as a Factor of Collective Memory Formation in South America	1
Popov E.A. Spiritual Security in the Conditions of Modern Cultural and Civilizational Development	10
Ravochkin N.N., Popov E.A. Conceptualization of the "Leisure Practices" in Modern Sociology	20
Vinogradova I.A., Ivanova E.V., Blinova A.O. The University's "Third Mission": Exploring the Potential of University Campuses in Interaction with Urban Communities	33
Kannykin S.V. Socio-Cultural Factors of the Emergence and Activity of Running Clubs in the USSR	50
Metadata in english	66

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Краев О.Л. — Декоммеморация как фактор формирования коллективной памяти в Южной Америке // Социодинамика. – 2023. – № 2. – С. 1 - 9. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.2.39834 EDN: GKUHJG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39834

Декоммеморация как фактор формирования коллективной памяти в Южной Америке

Краев Олег Леонидович

ORCID: 0000-0003-3073-1763

аспирант, кафедра философии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76

oleglkraev@gmail.com

[Статья из рубрики "Наследие и трансформации"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.2.39834

EDN:

GKUHJG

Дата направления статьи в редакцию:

17-02-2023

Дата публикации:

24-02-2023

Аннотация: Предметом исследования является проблема декоммеморации, т.е. ликвидации памятников и иных наполненных историческим смыслом объектов, в странах Южной Америки. Задача данной статьи состоит в попытке анализа обнаруженных примеров этих процессов в разных странах региона с применением новой типологизации этого пока малоизученного явления, предложенной социологами Трейси Адамс и Йиноном Гуттель-Клейном. Приводятся примеры декоммеморации, связанные с процессом демократизации общественно-политического, а следовательно и культурного, пространства в указанном регионе, а также пересмотра монументального культурного наследия в контексте меняющихся представлений общества и отдельных влиятельных его сегментов о прошлом страны или их перехода от вербального неприятия тех или иных объектов к деструктивным действиям. Новизна исследования состоит в

использовании новой, первоначально примененной ее авторами при анализе израильского опыта типологии при изучении объектов памяти в Южной Америке и анализе разноплановых мемориальных единиц и страновых особенностей процессов декоммеморации, а именно десекрации и рефрейминга, в первую очередь, в Парагвае и Колумбии. Одним из основных выводов исследования является возможность реализации декоммеморации в рассматриваемом регионе в отношении объектов, принадлежащих к хронологически и сущностно разным историческим периодам и явлениям, а именно репрессиям второй половины XX в. и колонизации континента. Также автор обнаруживает многофункциональность декоммеморации, заключающуюся в возможности ее применения новой официальной властью для отмежевания от прежней, отдельными общественными группами для создания резонанса и привлечения внимания к некоей проблеме, необязательно связанной со значением конкретного памятника, в отношении которого осуществляется, как правило, акт десекрации. Наконец, обнаружено, что заинтересованность государства в проведении политики памяти в целом и декоммеморации в частности зачастую играет определяющую роль в реализации проектов в этой сфере.

Ключевые слова:

политика памяти, декоммеморация, Парагвай, Колумбия, Альфредо Стресснер, контр-монумент, вандализм, десекрация, рефрейминг, запланированное устаревание

Введение. Коллективная память и коммеморация. В последние годы политика памяти оказалась в центре многочисленных исследований в виду роста практического и теоретического интереса к ней. Ее пригодность для манипулирования общественным мнением и мировосприятием посредством гибких трактовок исторических событий, наследия отдельных деятелей и т. д. обусловила ее активное применение для достижения политических целей идеологического и аксиологического порядка. Исследователи отмечают, что ключевыми функциями коллективной памяти являются осмысление и оценка общего прошлого с позиции морали, укрепление групповой и национальной идентичности, а также повышение легитимности власти [\[1\]](#). При этом один из основоположников исследований памяти М. Хальбвакс отмечал, что коллективная память не бывает универсальной — она всегда ограничена численным составом ее носителей и определенными временными рамками [\[2\]](#). Именно эволюция общества, его постепенное отдаление во времени от исторического события влекут за собой меняющийся состав помнящих, что повышает вероятность смены преобладающей интерпретации произошедшего.

Одним из форматов коммеморации, особенно важных в контексте настоящего исследования, является возведение памятников. Существуют различные точки зрения в вопросе эффективности этого метода. С одной стороны, памятники воспринимаются как олицетворение прошлого, как предмет, который укрепляет идентичность группы, ощущение принадлежности к ней, акцентируя героические и славные события, пережитые ее представителями [\[3, p. 3\]](#). С другой, в южноамериканском контексте особую силу приобретает точка зрения, согласно которой «нет ничего более незаметного, чем памятник»: так, К. Уигем полагает, что в условиях, когда тысячи людей бесследно исчезли вследствие применения государством во второй половине XX в. специфических форм репрессий, наиболее эффективными оказываются как раз распространенные в регионе нематериальные практики коммеморации (например, театрализованные

постановки и марши), поскольку они делают проблему зримой: в противовес использовавшейся тактике похищения и бесследного устранения диссидентов, членов вооруженных формирований, иных нелояльных лиц они как бы дают репрессированным «тело» в лице участников подобных нематериальных практик [4].

Его взгляд разделяют и другие специалисты, занимающиеся проблематикой символической компенсации: ими отмечено, что она зачастую оказывается неэффективной из-за ряда факторов, один из которых — склонность к стереотипным подходам к коммеморации в формате установки «бронзовой статуи» героя или жертвы на пьедестал, во взаимодействии с которой зритель неизбежно оказывается «пассивным наблюдателем» [5]. Изучавшие парагвайский кейс коммеморативной деятельности специалисты обращают внимание, что ритуалы памяти имеют разный смысл для двух основных групп участников. Первая группа — это жертвы террора, для которых ритуал связан с эмоциями гнева, вины и страха, вызываемыми воспоминанием о причиненном им насилии, а вторая — это все остальные, для кого участие в коммеморативных мероприятиях дает ощущение социальной вовлеченности, способствует формированию коллективной памяти общества в целом [6].

Упомянутые подходы к оценке «эффективности» памятника перекликаются с рассуждениями на тему «твердой» и «мягкой» памяти А. М. Эткинда. С его точки зрения, ядром культурной памяти является «взаимодействие текстов и монументов», поскольку только посредством реализации их взаимозависимости происходит сохранение памяти о событии, ее передача от одного поколения другому и ее дискурсивная трансляция реципиенту информации [7].

Полагаю, что считать памятник объектом, неизбежно влекущим за собой забвение лица или события, которому он посвящен, не вполне справедливо. Если олицетворяемая им тема сохраняет актуальность для общества (и эта актуальность не обязательно должна быть выражена в позитивном отношении к памятнику, и даже акт вандализма по-своему свидетельствует о значимости монумента), то он сохраняет смысл. При этом в истории неоднократно не памятник, но факт его ликвидации играл важную символическую роль.

Декоммеморация. Исследователи декоммеморации подчеркивают: уничтожение мемориальных объектов является способом, по крайней мере на уровне иллюзорного восприятия, разорвать связь с прошлым, ощутить свободу от довлеющей идеологии и ограничений, обозначить новые параметры и рамки коллективной и исторической памяти [8, p. 607-608]. Декоммеморация, понимаемая как целенаправленная политика ликвидации либо значительной, радикальной, модификации объектов памяти, меняющей их смысл и посыл, заслуживает внимания в виду противоречивости трактовок этого процесса. С одной стороны, снос памятников или переименование объектов (географических, инфраструктурных и т. п.) может восприниматься как утрата обществом физически осязаемой и зримой основы их культуры и самости. Уместно вспомнить проведенную Ж. Ле Гоффом параллель между медицинским расстройством памяти и амнезией метафорической, при которой отсутствие коллективной памяти у обширных групп, «сознательная либо бессознательная ее утрата», могут нанести ущерб их идентичности [9]. С другой стороны, существуют и иные, рассматриваемые далее альтернативные трактовки, согласно которым сам по себе акт декоммеморации вносит вклад в формирование коллективной памяти и, напротив, дает импульс к укреплению идентичности и привлекает внимание к актуальным проблемам общества.

Согласно новой авторской типологии, предложенной современными социологами Трейси

Адамс и Йиноном Гуттель-Клейном, существует три разновидности декоммеморации. Первая и наиболее распространенная — десекрация (desecration; в отсутствие в русском языке достаточно близкого по смыслу перевода полагаю уместным прибегнуть с разъяснительными целями к предложенному в церковно-религиозной среде варианту «рассвящение», достаточно точно отражающему значение понятия и в контексте политики памяти [\[10\]](#)), включающая не только акты вандализма, но и организованную ликвидацию объектов материальной мемориальной культуры государством. Вторая — рефрейминг (reframing) объектов и пространств, предполагающий, например, переименование улиц решением уполномоченного органа власти или же организованные активистами действия по символическому изменению содержания знаков с названиями улиц, а также реконтекстуализацию, когда мемориальный объект дополняется новыми характеристиками в связи с изменением отношения общества к нему. Наконец, третьей, наиболее редко встречающееся разновидностью является т. н. запланированное устаревание (planned obsolescence). В данном случае этот заимствованный из экономической теории термин означает создание монумента с коротким сроком использования: т. к. его появление ориентировано либо на то, чтобы оскорбить и унижить «увековечиваемое» лицо, либо на то, чтобы спровоцировать острую реакцию общества, которое не потерпит такого рода монумент в публичном пространстве, ликвидация такого объекта тем или иным актором или группой гарантирована [\[8, p. 610-615\]](#).

Можно с уверенностью констатировать, что пересмотр отношения к памятникам в последние годы стал по-настоящему международным явлением, именуемым как «кризис коммеморации». Исследователи связывают это обстоятельство с тем, что, во-первых, из-за активизации исследований памяти на рубеже XX-XXI вв. ее присутствие в общественной жизни в короткие сроки укрепилось, и, во-вторых, с «сильным» символизмом памятников, вызванным их восприятием как перманентного объекта, значение которого идет вразрез с меняющимися представлениями об историческом знании [\[11\]](#). В условиях, когда власть и значительная часть общества ориентируются на пересмотр своего прошлого, принимая во внимание приоритеты настоящего, ликвидация памятников или их рефрейминг проводятся на основании соответствующих законов и специализированными учреждениями [\[12\]](#).

Опыт декоммеморации в Южной Америке. В Южной Америке в последние десятилетия были реализованы значимые проекты памяти. Отчасти это связано с тем, что в 1980-1990-е гг. в ряде стран региона произошла демократизация, сопровождавшаяся мероприятиями по отправлению правосудия переходного периода, судебным преследованием виновных в преступлениях против человечности, обеспечением материальной и символической компенсации пострадавшим от репрессивного аппарата авторитарных режимов. Декоммеморация стала одной из тенденций этого периода. Она остается фактором процессов памяти в рассматриваемых странах и по сей день.

Наиболее распространенная и часто встречающаяся в Южной Америке практика декоммеморации — это вандализм. Потрясающие международное информпространство массовые протесты, прокатившиеся по всему континенту в 2019 г., стали катализатором для выражения таким способом отношения к объектам памяти отдельными группами. Например, в Чили в тот период подверглись актам вандализма 22 мемориальных объекта, посвященных жертвам диктатуры А. Пиночета. Это — свидетельство глубоких разногласий, проявившихся в локальных сообществах на уровне оценок прошлого и роли этого лидера в национальной истории, существующих вопреки международно-

признанным успехам страны в сфере защиты прав человека и функционирования демократических институтов [3, p. 1]. Эти события стали отражением сохраняющейся в течение длительного времени поляризации чилийского общества, при которой одна группа убеждена в том, что Пиночет и его режим спасли страну от левой герильи, гражданской войны и воцарения марксистской диктатуры, а вторая часть общества придерживается критических оценок этого режима и его методов; в то же время большая масса людей находится «посредине» – в числе неопределившихся или занимающих промежуточную позицию [13, 14].

Представляется, что наиболее обширный материал для анализа практик декоммеморации в Южной Америки дает пример Парагвая, где в течение нескольких десятилетий у власти находился диктатор А. Стресснер (1954-1989), сформировавший персоналистский режим с культом личности, которому были присущи характерные для такого рода систем символические атрибуты, подвергнувшиеся радикальному пересмотру в демократический период [15]. После смены власти там было осуществлено переименование ряда объектов, носивших имя Стресснера, а именно построенного в 1980 г. международного аэропорта, города, основанного в 1957 г. в рамках кампании развития и освоения востока страны, сегодня называющегося Сьюдад-дель-Эсте [16]. Однако возможно самым ярким и креативным вариантом декоммеморации, осуществленным в Парагвае, является создание памятника с использованием обломков статуи вождя. В 1991 г. решением мэра Асунсьона пятиметровая статуя Стресснера, находившаяся в сооруженном в период его правления мемориальном комплексе, посвященном героям парагвайского народа, была снесена, а в 1995 г. на столичной Площади исчезнувших (т.е. пропавших без вести жертв диктатуры) был воздвигнут созданный художником и скульптором К. Коломбино памятник «Контр-монумент» (Contramonumento), представляющий собой два тяжеловесных бетонных блока, между которыми стиснуто то, что осталось от статуи диктатора, и которые как бы не позволяют ему вырваться из этих «тисков» [17]. Замечу, что встречаются и иные названия этого объекта, такие как «Статуя свободы» и описательные упоминания (например, «монумент на Площади исчезнувших») [18-20].

Отмечу, что обелиск, служивший постаментом для статуи, остался нетронутым, и отсутствие в его обновленной структуре репрезентации диктатора также символично. В свое время исследователь проблематики коммеморации А. Гюйссен на примере мемориального опыта Берлина указывал на то, что заполнение важных в смысловом отношении пустот городского пространства новыми объектами даже коммеморативного свойства скорее влечет за собой забвение и утрату памяти о первоначальном событии [21]. Поэтому отсутствие статуи Стресснера на обелиске, установленном, в первую очередь, для чествования вождя, и сохранение в его структуре остальных памятников значимым персоналиям парагвайской истории существенно и наполнено смыслом, так как свидетельствует если не об отречении от проблемного прошлого и его переосмыслении, то о том, что был такой период в национальной истории, когда громкие акты декоммеморации могли быть воплощены в жизнь.

Принимая во внимание, какой посыл был заложен автором при наречении своего труда «Контр-монументом», необходимо уточнить значение этого термина (в российском научном дискурсе также встречается понятие «контр-памятник»). Контр-монументализм — это течение в скульптуре, возникшее во второй половине XX в. вследствие неприятия частью творческого сообщества монументальных форм тоталитарного искусства. Созданные в его рамках произведения задуманы как альтернатива традиционному памятнику, т. е. художественному объекту с понятным смысловым наполнением, и

предполагают дискуссионность его смыслового посыла [22]. В этой связи работа К. Коломбино, на мой взгляд, имеет не так много общего с описанным понятием. Даже неглубокого знания парагвайской истории, позволяющего распознать Стресснера в композиции монумента, а также его роли в жизни страны и оставленного им наследия достаточно для того, чтобы угадать задумку автора, а название площади, где расположен этот объект, не оставляет никаких сомнений. В попытке расшифровать значение названия «Контр-монумент» я прихожу к выводу, что замыслом автора не было соблюдение терминологической точности, но противопоставление настоящего прошлому и, путем использования непосредственных плодов свершившейся декоммеморации, создание нового объекта — символа перемен, антитезы тому, что было раньше.

При этом, однако, опыта политики памяти у Парагвая существенно меньше, чем у некоторых его соседей, например, Аргентины. О некоторой вялости процессов декоммеморации в Парагвае говорит тот факт, что лишь в 2017 г. здесь был принят закон № 5858 об удалении из госучреждений артефактов с выражением благодарности, чествующих или иным образом посвященных диктатору Стресснеру, и их передаче в коллекцию Музея памяти [23]. Четыре года спустя в 2021 г. группа депутатов подготовила одобренное нижней палатой парламента обращение к вице-президенту страны с тем, чтобы во исполнения указанного нормативно-правового акта из здания, где располагается его офис, была удалена памятная доска с упоминанием Стресснера [24]. Хотя данный пример, как демонстрация пассивности государства в отношении оценки и анализа прошлого, достаточно красноречив, также обращает на себя внимание и отсутствие каких бы то ни было упоминаний в открытых источниках о том, что этот шаг парламентариев возымел какой бы то ни было эффект.

Наконец, в рамках настоящего исследования необходимо затронуть тему южноамериканской декоммеморации колониального наследия. В этом отношении заслуживает внимания история со сносом памятников конкистадорам в Колумбии и последовавшей реакцией общества и властей. В сентябре 2020 г. индейские активисты, стремясь привлечь внимание общественности к расправам над представителями коренного населения в Колумбии, снесли памятник испанскому конкистадору С. де Белалькасару в г. Попаян, сопроводив эти действия имитацией судебного процесса над этим историческим деятелем и признав его виновным в незаконном овладении землями, уничтожении индейского населения и культуры [25]. В 2021 г. в ходе массовых протестов другой памятник этому же лицу в расположенном по соседству г. Кали так же пал в результате действий индейцев, после чего в столице Боготе то же самое случилось сразу с несколькими памятниками, в т.ч. конкистадору и основателю города Г. Хименесу де Кесаде. Подходы местных властей к тому, что делать дальше с памятниками, различались: если в Кали было принято решение вернуть памятник на место как один из узнаваемых символов города, установив рядом с ним доску с биографическими сведениями о де Белалькасаре (т.е. осуществить рефрейминг), то памятник Хименесу де Кесаде после длительной дискуссии с привлечением гражданского общества было решено сделать после реставрации экспонатом столичного музея [26]. Таким образом, в данном страновом кейсе десекрация привела либо к пересмотру значения монумента, превратив его скорее в художественный объект исторического, но не мемориального свойства, либо из одной разновидности декоммеморации (десекрация) произошел переход к другой (рефрейминг).

Заключение. Подводя итог, следует сказать, что «незаметность» памятника, понимаемого как материальный или нематериальный объект, наполненный историческим

значением и аффективным компонентом, весьма относительна, поскольку даже его исчезновение может иметь глубокий смысл. Декоммеморация, являясь сильным инструментом создания аффекта и влияния на процессы коллективной памяти, выполняет, таким образом, целый ряд неочевидных функций. Среди них выделяются отмежевание новой власти от предыдущей, использование объекта памяти для создания резонанса и привлечения внимания к проблемам, не связанным напрямую с наследием увековеченного лица, а также пересмотр отношения к национальному прошлому, демонстрация смены приоритетов общества и оценок исторических событий и персоналий. Еще одним из выводов общего порядка относительно проблем коллективной памяти является зависимость степени эффективности процессов декоммеморации от интереса и воли государственной власти к пересмотру наследия репрессивного режима в городском пространстве, своеобразному «перемонтированию» культурных смыслов городской среды. Так, парагвайский кейс свидетельствует, что в виду общей пассивности официальных институтов в вопросах памяти даже принятие законодательного акта не является достаточным основанием для осуществления декоммеморации «сверху». При этом рассмотренные примеры свидетельствуют о возможности декоммеморации в отношении монументов, принадлежащих к разным историческим периодам и наполненным разным смыслом, а именно объектов, связанных либо с репрессивными режимами второй половины XX в., либо с процессами колонизации континента. В рамках предложенной типологии в Южной Америке были обнаружены примеры декоммеморации двух типов: десекации и рефрейминга, тогда как запланированное устаревание не попало в поле зрения автора статьи.

Библиография

1. Rebrina L.N., Solnyshkina M.I., Soldatkina T.A. Collective Memory as a Social Construct in German Discourse. // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 878
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. // Неприкосновенный запас, №2-2005. URL : <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (дата обращения: 30.01.2023)
3. Aguilera C., Badilla Rajevic M. Human rights memorials in turmoil: Antagonistic memories in contemporary Chile. // Political Geography. 2022. Vol. 98. 11 p.
4. Whigham K. Resonant Violence: affect, memory, and activism in post-genocide societies. New Brunswick : Rutgers University Press, 2022. P. 117.
5. Greeley R.A., Orwicz M.R., Falconi J.L., Reyes A.M., Rosenberg F.J., Laplante L.J. Repairing Symbolic Reparations: Assessing the Effectiveness of Memorialization in the Inter-American System of Human Rights. // International Journal of Transitional Justice. 2020. Vol. 14. Issue 1. P. 168
6. Arnoso M., Bobowik M., Beristain C. La Comisión de Verdad y Justicia en Paraguay: la experiencia emocional en los rituales de conmemoración y la eficacia percibida de la comisión. // Psicología Política. 2015. Vol. 15. No. 32. P. 152
7. Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 227-228
8. Adams T., Guttel-Klein Y. Make It Till You Break It: Toward a Typology of De-Commemoration. // Sociological Forum. 2022. Vol. 37. No. 2. P. 603-625.
9. Ле Гофф Ж. История и Память. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 81
10. Осквернение и освящение // Радио Свобода. 2002. URL: <https://archive.svoboda.org/programs/christ/2002/christ.060202.asp> (дата обращения:

- 29.01.2023) - Радио Свобода признано в РФ СМИ-иноагентом.
11. Gordon A. The Writing and the Bronze: Commemoration as Historiography. // Canadian Historical Review. 2021. Vol. 102. Issue 3. P. 422
 12. Филёв М.В., Курганский А.А. Демонтаж памятников как ключевая часть процесса «декоммунизации» на Украине и в Польше после 2014 года. // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 4. С. 148
 13. Lazzara M.J. Justice and Its Reminders: Diamela Eltit's Puño y letra. In The Memory of State Terrorism in the Southern Cone. Palgrave Macmillan, 2011. P. 88.
 14. Rojas H., Shaftoe M. Human Rights and Transitional Justice in Chile. Palgrave Macmillan, 2022. P. 180
 15. Nickson A. La Caída de Alfredo Stroessner y el ocaso del sultanismo. // Nuevo Mundo Mundos Nuevos. 2020. URL : <http://journals.openedition.org/nuevomundo/80597> (дата обращения: 29.01.2023)
 16. Demelenne J. Una interpretación de la historia política contemporánea del Paraguay a partir de la lectura de los golpes de Estado (1947-2012). In: Stronismo: nuevas lupas. Foz do Iguaçu: EDUNILA, 2021. P. 19
 17. Colmán Gutiérrez A. El día en que Stroessner fue derribado del cerro Lambaré. // Última Hora. 2016. URL : <https://www.ultimahora.com/el-dia-que-stroessner-fue-derribado-del-cerro-lambare-n992614.html> (дата обращения: 20.02.2023)
 18. Colmán Gutiérrez A. A veces, el dictador se nos escapa... // Última Hora. 2016. URL : <https://www.ultimahora.com/a-veces-el-dictador-se-nos-escapa-n1046739.html> (дата обращения: 29.01.2023)
 19. Ticio Escobar. // Facebook. 2023. URL : <https://www.facebook.com/photo/?fbid=10223404924937131&set=a.3972862645791> (дата обращения: 29.01.2023)
 20. Este martes 28 se inaugura la restauración de una obra icónica de Carlos Colombino en la Plaza de los Desaparecidos. // Municipalidad de Asunción. 2022. URL : <https://www.asuncion.gov.py/intendencia/este-martes-28-se-inaugura-la-restauracion-de-una-obra-iconica-de-carlos-colombino-en-la-plaza-de-los-desaparecidos> (дата обращения: 30.01.2023)
 21. Stevens Q. Vague Recollections: Obscurity and Uncertainty in Contemporary Public Memorials. Published in: P. Barron and M. Mariani (eds) Terrain Vague: Interstices at the Edge of the Pale. Routledge. 2013. P. 184
 22. Котломанов А.О. Паблик-арт: страницы истории. Феномен контр-монумента и кризис мемориальной традиции в современной монументальной скульптуре. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2015. Т. 5. № 1. С. 62
 23. Ley № 5858. Biblioteca y Archivo Central de la Nación. 2017. URL : <https://bacn.gov.py/archivos/9760/Ley%205858.pdf> (дата обращения: 01.02.2023)
 24. Exhortan a desindividualizar obras públicas y retirar placas de homenaje a Stroessner. Cámara de Diputados. // Cámara de Diputados. 2021. URL : <http://www.diputados.gov.py/index.php/noticias/exhortan-desindividualizar-obras-publicas-y-retirar-placas-de-homenaje-stroessner> (дата обращения: 01.02.2023)
 25. Oquendo C. Un grupo de indígenas derrumba la estatua de Sebastián de Belalcázar en Colombia. // El País. 2020. URL : <https://elpais.com/internacional/2020-09-17/un-grupo-de-indigenas-derrumba-la-estatua-de-sebastian-de-belalcazar-en-colombia.html> (дата обращения: 21.02.2023)
 26. Oquendo C. Colombia busca resignificar los monumentos de conquistadores españoles. // El País. 2022. URL : <https://elpais.com/america-colombia/2022-09-06/colombia-busca-resignificar-los-monumentos-de-conquistadores-espanoles.html> (дата

обращения: 21.02.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена малоисследованной и чрезвычайно актуальной в современных социальных и культурных условиях проблематике сохранения (либо разрушения) коллективной памяти об исторических событиях или лицах. Основание для более интенсивного обращения к изучению этой темы на самом разном материале заключается, прежде всего, в том, что сохранение исторической памяти изначально является условием продолжения жизни самосознания народа и культурно-исторической самоидентификации личности; сегодня же, как показывает практика последних десятилетий (например, на примере постсоветских и постсоциалистических государственных образований) искусственное моделирование национальной памяти становится одним из инструментов достижения идеологических и политических целей теми социально-политическими группировками, которые в силу тех или иных обстоятельств оказались у власти. Автор рецензируемой статьи сосредотачивает своё внимание на анализе практики декоммеморации в странах Латинской Америки; думается, этот исследовательский опыт станет полезным и для отечественного читателя, которому, как может показаться, в большей степени было бы интересно познакомиться с упомянутой выше близкой и значимой для нашего национального самосознания практикой уничтожения памятников в сопредельных странах, символизировавших роль России в освобождении Европы от нацизма или месте русских исторических деятелей, писателей и т.д. в мировой культуре. Приводимые в статье описания малоизвестных отечественному читателю событий латиноамериканской истории последних десятилетий интересны и сами по себе (как способы переосмысления исторических событий), и в качестве моделей возможной переоценки прошлого, которая осуществляется, разумеется, и стихийно, но в переломные социально-исторические эпохи нуждается в специальном внимании (и регламентации) со стороны общества и властей. Автор присоединяется к точке зрения, согласно которой значимость монументов обусловлена не столько самой их представленностью в городском ландшафте, сколько соотношением их с культурной и образовательной практикой, которая осуществляется в определённые периоды жизни в данном обществе. Поэтому, как несколько раз подчёркивает автор, уничтожение памятника в условиях обострения общественных дискуссий может иметь даже больший символический смысл, чем его возведение, поскольку его «отсутствие» (на фоне ещё живой памяти прежних поколений) является более «заметным», оно инспирирует или поддерживает дискуссии о направлении культурной, идеологической или социально-политической эволюции общества. Статья написана хорошим языком, сочетающим научность и ясность изложения, можно лишь порекомендовать автору скорректировать два неудачных выражения – «моральное осмысление» («осмысление» не может быть «моральным» или «аморальным», можно сказать, например, об осмыслении в связи с теми или иными моральными ценностями или установками) и «темпоральное отдаление от исторического события» (просто «отдаление во времени», «темпоральное» имеет специфическое содержание, не задействованное в данном контексте). Статья может представлять интерес для самого широкого круга читателей, рекомендую опубликовать её в научном журнале.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Попов Е.А. — Духовная безопасность в условиях современного культурно-цивилизационного развития // Социодинамика. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.2.39738 EDN: IOXOUL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39738

Духовная безопасность в условиях современного культурно-цивилизационного развития

Попов Евгений Александрович

доктор философских наук

профессор кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России

656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49, каб. 306

✉ popov.eug@yandex.ru

[Статья из рубрики "Общественная безопасность"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.2.39738

EDN:

IOXOUL

Дата направления статьи в редакцию:

06-02-2023

Аннотация: Статья раскрывает некоторые возможности для концептуализации такого понятия как духовная безопасность. При этом автор исходит из положения о том, что в современном научном дискурсе преобладает политический контекст понимания духовной безопасности, однако он явно не может считаться полным или достаточным. Именно поэтому идентификация духовной безопасности с точки зрения культурфилософского подхода в наибольшей степени обеспечивает эвристический потенциал осмысления духовной безопасности. Таким образом, предмет исследования - духовная безопасность в границах культурно-цивилизационного развития. Акцент сделан не на генезисе развития цивилизации и культуры, а на их сопряженности в условиях современности. Основными выводами настоящей статьи являются следующие ключевые положения: 1) осмысление сопряженности цивилизации и культуры в рамках культурфилософского подхода в значительной степени повышает возможности концептуализации данных явлений; 2) исследование духовной безопасности должно вестись сквозь призму соотнесенности указанного явления с уровнями развития цивилизаций и культур; 3) безусловным преимуществом научного осмысления духовной безопасности становится ценностно-смысловой ракурс, позволяющий преодолеть традиционно существующий социально-политический вектор в осмыслении духовной безопасности. Преимуществом предлагаемого аспекта является ориентация на данные масштабных эмпирических

исследований, посвященных трансформациям ценностных структур человеческого бытия.

Ключевые слова:

ценности, культура, цивилизация, трансформация ценностей, кризис культуры, цивилизационное развитие, система ценностей, система норм, цивилизационный подход, Всемирный обзор ценностей

Введение. В последнее время вопрос о духовной безопасности в контексте современного культурно-цивилизационного развития поднимается довольно часто по вполне объективным причинам: во-первых, нарастание конфронтации стран, культур и народов, «пересмотр» западных образцов мировоззрения и ценностей диктует необходимость поиска механизмов обеспечения духовной безопасности человека и общества, во-вторых, политизация, экономизация и юридизация многих сторон человеческого коллективного и индивидуального бытия способствует процессу «центрации» ценностей, который нидерландский исследователь А. Хаген характеризует как мощное перераспределение ключевых ценностей из пространства культуры в пространство цивилизации, что безусловно влияет на изменения в ценностно-нормативной системе, смещение ценностных приоритетов, а следовательно, повышает риски усугубления кризиса культуры [\[20\]](#), в-третьих, духовная безопасность связывается с необходимостью сохранения самобытной культуры, которая в условиях развития техногенной цивилизации также нуждается в поддержке и обеспечении ее сохранности для последующей трансляции другим поколениям носителей культуры. Немаловажен вопрос и об «онтологизации» культуры, понимаемой как сопряженность ключевых смыслов человеческого бытия с соответствующими ценностными структурами и кодами и символами [\[22, п. 12\]](#). Духовная безопасность направлена на обеспечение преемственности прежде всего традиционных ценностей и норм и передачу их последующим поколениям.

В настоящей статье мы не исследуем различные онтологические характеристики духовной безопасности, не ставим задачу соотнесения это типа безопасности с другими (например, социальной, политической, общенациональной), но в то же время, определяя ценностные рамки современного культурно-цивилизационного развития, мы предпримем попытку обосновать необходимость «измерения» духовной безопасности как своего рода отклик на взаимное влияние культуры и цивилизации. С этой точки зрения основными методологическими ракурсами для анализа являются ценностно-интериоризационный (передача социального опыта посредством ценностных структур) и цивилизационный подходы. Для того чтобы объективировать процесс выделения критериев духовной безопасности на уровнях культуры и цивилизации мы обращаемся к некоторым данным, полученным в ходе проведения семи раундов (1981-2020 гг.) Всемирного обзора ценностей (World Values Survey) [\[1\]](#), а также итоговым результатам Европейского социального исследования (European Social Survey) [\[2\]](#), направленного на многолетнее (2001-2021 гг.) сравнение ценностей, установок, взглядов и поведения населения стран Европы, включая Россию.

Определяя содержание ключевых понятий, имеющих эвристическую ценность для настоящей статьи, мы ориентируемся на соответствующий научный дискурс, сложившийся и продолжающий пополняться новыми идеями и положениями в рамках культурфилософской рецепции, позволяющей абстрагироваться от тех или иных

социально или политически обусловленных детерминант, оказывающих воздействие на культуру и развитие цивилизации, и представить данные явления как самодостаточные, прошедшие путь «онтологизации». С этой точки зрения культура нами будет пониматься как ценностно-смысловая система, «онтологизация» которой обеспечивается соответствующими фундаментальными смыслами бытия (например, субстанциональным); цивилизация, вслед за Н.И. Лапиным, идентифицируется как «исторически сложившееся состояние способа жизнеустройства большого сообщества людей и/или их совокупностей, занимающих определенные географические пространства, которое обеспечивает относительно устойчивое существование homo sapiens...» [8, с. 6]. К слову сказать, целью цивилизации становится обеспечение устойчивого существования индивидов, а цель культуры основывается прежде всего на формировании и закреплении в пространстве человеческого бытия смыслов и ценностей, определяющих развитие человека, его включенность в социальную реальность и т.д. Отметим, что поиск точек сопряженности культуры и цивилизации – это специальный предмет для дискуссии, обсуждаемый довольно продолжительное время преимущественно в междисциплинарном аспекте. Нам представляется, что духовная безопасность выступает своего рода консолидированным явлением, обеспечивающим сопряженность культуры и цивилизации и одновременно таким состоянием, которое влияет на относительную стабильность ценностных структур в индивидуальном и коллективном бытии человека и общества. Такая трактовка в целом позволяет рассчитывать на конкретизацию данного состояния и, таким образом, способствует более предметному осмыслению, в том числе и в системе культурфилософского знания. Собственно, как уже отмечалось в настоящей статье, мы ставим цель показать некоторые критерии духовной безопасности, которые можно идентифицировать на основании анализа результатов многоцентровых обзоров ценностей.

Духовная безопасность: комплексный подход к анализу. Применительно к трактовкам духовной безопасности нельзя как упрощать интерпретацию, сводя рассматриваемое явление к какому-то одному типичному состоянию общественного развития (например, как «продолжение» национальной безопасности государства – такая трактовка нисколько не раскрывает сути духовной безопасности, но явно демонстрирует многомерность сопряженного с ним феномена), так и излишне усложнять, включая в его содержания различные аспекты бытия. Вместе с тем следует исходить из установки, согласно которой духовная безопасность может рассматриваться в качестве комплексного состояния, отражающего сопряженность культуры и цивилизации. С этой точки зрения вполне вероятно достичь некоторой объективации при исследовании указанного явления.

Прежде всего дадим общую характеристику соответствующему научному дискурсу, в центре которого находится духовная безопасность. Обратим внимание на тот факт, что данное явление, хотя и «захватывает» сферу духовного и духовности, все же в большей степени политизируется – по понятной причине: всякий феномен безопасности исторически становится индуктором государственной деятельности и функционирования государства в целом. В этом аспекте тем не менее можно обнаружить два основных исследовательских ракурса: 1) осмысление духовной безопасности как результата реализации политики в сфере сохранения и развития традиционной культуры; на этот счет высказывается, в частности, идея о необходимости закрепления в политике государства соответствующих инструментов поддержания традиционной культуры [21]; нелишним будет в этой связи напомнить и о том, что Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (к

таким ценностям документ относит, например, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и другие)^[3]; 2) идентификация духовной безопасности как качественной характеристики общества с учетом «потенциала базовых целей и ценностей, баланса индивидуальных, групповых и социетальных интересов, функциональной согласованности политических институтов, идеологии и культуры» ^[1, с. 13]; политизация духовной безопасности осуществляется также через поиск национальной идеи, согласуемой с необходимостью поддержания духовной безопасности и минимизации рисков ценностных трансформаций, способных привести к деконсолидации общественного развития и, таким образом, заметному или даже опасному снижению «потенциала базовых целей и ценностей».

Слабым местом различных трактовок духовной безопасности с точки зрения политической детерминации, пожалуй, служит «нанизывание» как можно большего числа смыслов, что существенно размывает содержание данного понятия. Так, например, в одном из определений мы видим, что автор трактует духовную безопасность как особое «состояние личности, общества и власти, обеспечивающее их нормальное взаимоувязанное существование и функционирование, а также служит культурно-духовным фоном нравственного развития уровня качества жизнедеятельности “человеческого фактора” в системе национальной цивилизации» ^[3, с. 24]. При такой интерпретации довольно сложно уловить суть рассматриваемого явления, поскольку мы достоверно не знаем, что же автор имел в виду под культурно-духовным фоном, нормальным взаимоувязанным существованием и т.д.; кроме того, используемое понятие национальной цивилизации само по себе способно поставить в тупик – смысл его совершенно не понятен. Нередко политическая трактовка духовной безопасности представлена в силу необходимости оценивать состоятельность различных угроз или рисков для индивидов и общества, а также государства и его институтов. При этом в числе угроз может быть названо все что угодно: к примеру, один из авторов приводит следующий перечень угроз: «угрозой духовной безопасности выступают иностранные, в том числе международные, неправительственные организации, финансовые и экономические структуры, частные лица, деятельность которых направлена на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» ^[2, с. 177]. Такая явная политизация угроз затмевает истинные источники угроз и рисков для духовной безопасности. Представляется, что какое-либо частное лицо, конечно, может стать угрозой безопасности в масштабе государства, но вести речь о том, что оно влияет на духовный мир людей, – не совсем верно. Духовная безопасность все же направлена на сохранение и обеспечение передачи традиционных ценностей от одного поколения другому, и нарушить этот историко-генетический процесс конкретному субъекту или даже неправительственным организациям невозможно. Безусловно, смысловое поле духовной безопасности – предмет для исследований не простой, однако все же ключевой характеристикой данного явления (или состояния) должна оставаться *ценностно-смысловая* составляющая; все другие элементы скорее всего будут вторичными или даже третичными по отношению к такому ракурсу.

С другой стороны, для понимания духовной безопасности должен применяться комплексный анализ, а это значит, что и политическая трактовка, и какая-либо иная, бесспорно, должна учитываться. Вместе с тем вновь подчеркнем, что определяющим моментом в идентификации рассматриваемого явления остается духовная сфера, поэтому любой аспект осмысления духовной безопасности должен прежде всего затрагивать

именно указанную сферу. Разумеется, духовная сфера сопряжена с духовной жизнью человека и общества, для которой определяющими становятся такие формы общественного сознания как политика, право, религия, философия и т.д., а значит, варианты интерпретаций значительно расширяются – в действительности, это так, но все же духовная сфера – это сфера ценностей и норм, по крайней мере в практике исследований именно по ценностям и нормам можно объективировать или конкретизировать те или иные социокультурные основания человеческого бытия. Собственно, комплексный анализ духовной безопасности и подразумевает возможность обобщения ценностно-нормативных трансформаций под воздействием тех или иных определяющих факторов или условий (например, условий современного культурно-цивилизационного развития); в конечном итоге о состоянии духовной безопасности будет свидетельствовать упорядоченность или «уравновешенность» ценностных структур, в то время как на угрозы и риски для духовной сферы будут указывать существенные трансформации ценностей и норм, ведущие к кризису культуры.

Отметим значение сопряженности культуры и цивилизации для понимания духовной безопасности – именно аспект культурно-цивилизационного развития нас интересует в настоящей статье. Как известно, цивилизационный подход (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, А. Фергюсон, Н. Фергюсон, О. Шпенглер, К. Ясперс и другие) давно зарекомендовал себя как один из эвристически значимых в культурфилософской рецепции, а также на междисциплинарном уровне исследований; основной ракурс данного подхода направлен на выявление точек сопряженности цивилизации и обществ, народов, культур, техник и технологий и т.д. Лишь отчасти вместе с тем цивилизационный подход занимают вопросы ценностно-смысловых трансформаций, хотя, конечно же, например, Н.Я. Данилевский в своей концепции культурно-исторических типов так или иначе апеллировал к ценностным исканиям народов [\[4\]](#); в то же время и А. Тойнби обозначил позицию «вызова-и-ответа» для культур и цивилизаций [\[10\]](#), К. Ясперс выдвинул теорию осевого времени как основной вектор культурно-цивилизационного развития [\[15\]](#) и т.д. С другой стороны, обозначившийся как самостоятельное направление культурфилософских исследований *ценностно-интериоризационный подход*, в зону внимания которого попадает передача социального опыта посредством ценностных структур позволяет идентифицировать духовную безопасность как отклик на изменения в системах ценностей, причем ценностей как универсальных (общечеловеческих), так и этнорегиональных или имеющих выраженную этнонациональную окрашенность. В границах данного подхода можно обозначить два основных исследовательских вектора: 1) адекватная традиционным ценностям передача социального опыта между поколениями возможна только в условиях духовной безопасности, отражающей «позитивную» сопряженность культуры и цивилизации; с этой точки зрения духовная безопасность представляет собой своеобразную «обеспечительную» меру для ценностно-смысловых исканий индивидов, народов и обществ: она как будто бы заметно индуцирует резкое изменение в ценностных структурах под воздействием цивилизационного развития [\[13; 14; 16; 17; и др.\]](#); 2) связь поколений, которая также может быть подвергнута серьезным изменениям, например, в результате развития технократизма, экономизма и техногенной цивилизации, не обеспечивает передачу консолидирующего социального и социокультурного опыта, а следовательно, нуждается в повышенных мерах духовной безопасности (поддержание традиционных духовно-нравственных ценностей и норм и т.д.) [\[9; 11; 12; 18; 19; и др.\]](#). Таким образом, выявление специфики духовной безопасности, возможность объективации данного явления предполагает использование указанных теоретико-методологических ракурсов современных исследований.

Духовная безопасность и трансформация ценностей. Применение в рамках настоящей работы некоторых результатов Всемирного обзора ценностей (далее – WVS), а также итоговых результатов Европейского социального исследования (далее – ESS) позволяет приблизиться к объективации явления духовной безопасности. Методологическим основанием указанных исследований в числе прочих выступал цивилизационный подход – он позволял, например, «кластеризовать» все ценности по уровням их «центрации»: первый уровень – уровень общечеловеческих ценностей, остающихся практически в неизменном состоянии в период проведения WVS и ESS, второй уровень – общечеловеческие ценности, претерпевшие заметные изменения в призме ценностной иерархии, третий уровень – традиционные культурные универсалии, четвертый уровень – инновационные универсалии и т.д. Кластеры соответствующих ценностей базировались на ценностных структурах, связанных как с индивидуальным бытием человека, так и с общественным; методика исследования, доминирующая в WVS и ESS – кросс-культурный анализ. Релевантность цивилизационного подхода определялась выделением цивилизационных факторов, оказывающих заметное или существенное воздействие сразу на несколько групп ценностей – таким образом, были типизированы такие факторы, которые затем влияли на кластеризацию ценностей. К числу таких факторов, например, отнесены увеличение (уменьшение) многополярности мира, политизация ключевых процессов человеческого бытия, трансформация мировых политических и социально-экономических систем и т.д. Как отмечается в одном из исследований, «вопросы духовной безопасности напрямую связаны с проблемой духовного капитала, проявляемого во всех сферах российского общества, экономической, политической, социальной» [7, с. 19]. Между тем мы в настоящей работе самостоятельно не проводили обобщение результатов WVS и ESS – за основу были взяты некоторые современные работы, содержащие аналитику, позволяющую ответить на поставленный нами вопрос: как состояние духовной безопасности связано с трансформацией ценностей. К слову сказать, трансформация ценностей практически всегда идентифицируется в качестве причины или следствия кризиса культуры или кризиса социальных отношений – в настоящей статье мы данного аспекта не касаемся, он должен стать предметом рассмотрения в отдельной работе.

В своем исследовании, посвященном выявлению специфики фундаментальных ценностей цивилизационного развития, Н.И. Лапин обратил внимание на четыре основных компонента цивилизации, каждый из которых непременно связан с определенным уровнем трансформации ценностей: «(1) человек как деятельное противоречивое (одновременно биологическое, культурное и социальное) существо; вернее, достаточно большое множество людей, живущих в определенном географическом ареале; (2) положение этого ареала на земном пространстве, природно-климатические условия жизни и деятельности членов данного сообщества; (3) такой тип культуры⁵, который позволяет особям *homo sapiens* отодвинуть природные границы биологического выживания своих сообществ, обеспечивая относительную устойчивость их существования и возможности развития их собственно человеческих качеств; 4) тип социума, или совокупности общественных отношений, возникающих между людьми в процессах их деятельности, соответствующий или несоответствующий типу культуры, т.е. способствующий или препятствующий реализации ее потенциала» [8, с. 6]. Примерно в этом же направлении осуществлялась кластеризация ценностей в исследованиях WVS и ESS – этот момент подчеркивается в работах Р. Инглхарта [5], в том числе в соавторстве с К. Вельцелем [6]. В основном акцент был сделан на двух кластерах ценностей, подверженных различной степени трансформации (по шкале до 10) в пределах 5-10:

ценности выживания и ценности самовыражения [\[6, с. 87\]](#).

Применительно к характеристике изменений, происходящих в течение всего периода мониторинга в рамках WVS и ESS в данных группах ценностей, был использован цивилизационный фактор: наибольшее влияние на ценностные трансформации оказывали социально-политические и социально-экономические процессы, идентифицируемые как неотъемлемые элементы цивилизационного развития. Фактор духовной безопасности в методологии WVS и ESS предстает как индуктор ценностных преобразований, минимизирующих такое влияние цивилизационных процессов, которое неизбежно ведет к трансформации ценностей, теряющих связь с ключевыми для индивидов и человечества в целом смыслами бытия. По наблюдению Р. Инглхарта, под влиянием цивилизации происходят «быстрые культурные изменения», усугубляющие изменения направленности социокультурной динамики: ценностные структуры не способны сохранять свой универсализм, не обеспечивают передачу необходимого для поколений социального и культурного опыта и т.д. [\[5\]](#). Как показывают результаты WVS и ESS, в межстрановом сравнении заметные «сдвиги» происходят практически во всех ценностных структурах, причем наиболее значимые затрагивают кластеры ценностей, которые прежде в течение длительного времени оставались неизменными, составляли т.н. «онтос» культуры (связь ценности и смысла бытия, например, субстанционального) и, таким образом, позволяли культуре сохранять свою уникальность и самобытность и одновременно свидетельствовали о приоритетах культурного развития над цивилизационным. Нетрудно заметить по данным WVS и ESS, что такие ключевые ценности как семья, любовь, дружба и другие уступают свои места в иерархии ценностных структур другим ценностям, более соответствующим приоритетам цивилизационного развития: деньги (ресурсы, финансы, блага), власть, комфорт, доступность услуг и другие. С этим изменением связывается повышение уровня жизненной защищенности (безопасности) [\[17, p. 100-101\]](#).

При этом, как замечают исследователи, закономерно, что «более высокая степень жизненной защищенности (existential security) и личной независимости человека фундаментальным образом меняет его непосредственный жизненный опыт, побуждая придавать первостепенное значение целям, прежде стоявшим на втором плане, в том числе обретению свободы» [\[6, с. 12\]](#). Бесспорно, этот аспект ценностно-смысловой определенности имеет решающее значение на субъектном уровне, но также важнее и для определения границ социокультурной динамики, которая может затрагивать систему духовной безопасности как такую систему, в которой ценности и нормы настолько упорядочены, что не изменяют облика самой культуры, не подвержены существенному влиянию цивилизационного фактора и т.д.

Заключение. Понятие духовной безопасности все чаще используется в широком контексте социальных и философско-культурологических исследований, однако преобладающим дискурсом на этот счет является политический анализ, что не в полной мере отражает сущность рассматриваемого явления. Между тем духовная безопасность нуждается в объективации, что позволит ее идентифицировать во всех случаях отклонений или трансформаций ценностно-нормативной системы культуры – как установлено, указанные изменения всегда приводят к возникновению рисков политизации, экономизации ценностей, которые, в свою очередь, становятся препятствием для достижения духовной безопасности.

[\[1\]](#) См.: Всемирный обзор ценностей (World Values Survey). URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения 12.10.2022)

[2] См.: Европейское социальное исследование (European Social Survey). URL: <https://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения 13.10. 2022)

[3] Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=2&rangeSize=1> (дата обращения 12.12.2022).

Библиография

1. Беспаленко П.Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения. Автореф... дисс. докт. полит. наук. Р.-н.-Д., 2009. 55 с.
2. Воропаева Е.В. Духовная безопасность личности и общества как объект стратегии национальной безопасности // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2018. № 7. С. 175-179.
3. Гончарова Л.Н. Национальная безопасность как результат духовно-нравственной, экономической и политической безопасности // Экономика и управление в современных условиях: сборник трудов. Красноярск: Изд-во: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2016. С. 21-26.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
5. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как изменяется мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. Казанцева Д.Б., Золкин А.Л., Карпенко О.А., Безрукова О.В., Ивентьев С.И. Духовно-нравственная сфера современного российского общества: обеспечение безопасности: монография. М.: РУСАЙНС, 2022. 78 с.
8. Лапин Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии // Вопросы философии. 2015. № 4. С. 3-15.
9. Степин В.С. Устойчивое развитие и проблема ценностей // Техника, общество и окружающая среда: материалы междунар. науч. конф. (18-19 июня 1998 г., Москва). М.: ИФ РАН: МНЭПУ, 1998. С. 11-21.
10. Тойнби А. Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. 640 с.
11. Тюгашев Е.А. Социально-философские основания типологии цивилизаций // Сфера культуры. 2020. № 1. С. 125-132. DOI: 10.48164/2713-301X_2020_1_125
12. Углинская Н.А. Кризис культуры: кризис системы ценностей или кризис стратегий действия? // KANT. 2020. № 3(36). С. 191-195. DOI:10.24923/2222-243X.2020-36.36
13. Чупров А.С. Культура и цивилизация: тождество противоположностей // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 95-104. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-95-104
14. Штомпель О.М. Социокультурный кризис: теория и методология исследования проблемы. Автореф. дисс...докт. филос. н. Р.-н.-Д., 1999. 52 с.
15. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 530 с.
16. Altikulaç A. Patriotism and Global Citizenship as Values: A Research on Social Studies Teacher Candidates // Journal of Education and Practice. 2016. Vol. 7. № 36. P. 26-33.
17. D'Andrade R.G. Cultural Meaning Systems // Richard A. Shweder, Robert A. LeVine. Cultural Theory. Essays on Mind, Self and Emotion. – Cambridge; L., N.Y., New

- Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1984. P. 88-115.
18. Debbarma M. Importance of Human Values in the Society // International journal of English language, literature in humanities. 2020. Vol. 2. Is. 1. P. 181-195.
URL: <https://ijellh.com/wp-content/uploads/2014/04/Importance-of-Human-Values-in-the-Society-by-Dr-Mohan-Debbarma.pdf> (date of application: 12/12/2022).
 19. Frohlich M. Spiritual Discipline, Discipline of Spirituality: Revisiting Questions of Definition and Method // Spiritus A Journal of Christian Spirituality. 2001. № 1(1). P. 65-78.
 20. Hagen A. How to Engage in Practices of Critique? From a Universal Conception of the Good Life to the Contestation of Universals // Krisis. 2019. № 1. P. 2-14.
 21. Metzinger T. Spirituality and Intellectual Honesty [эл. ресурс].
URL: https://www.blogs.uni-mainz.de/fb05philosophie/files/2014/04/TheorPhil_Metzinger_SIR_2013_English.pdf
(дата обращения 16.08.2022)
 22. Wei R. Civilization and Culture // International Review of Social Sciences and Humanities. 2021. Vol. 1. №. 1. P. 1-14.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Духовная безопасность в условиях современного культурно-цивилизационного развития» предмет исследования – это духовная безопасность в контексте современного культурно-цивилизационного развития. Цель исследования состоит в обосновании необходимости «измерения» духовной безопасности в контексте взаимного влияния культуры и цивилизации, в раскрытии некоторых критериев духовной безопасности.

Методология исследования базируется комплексном подходе к анализу понятия «духовная безопасность». В работе постулируется, что такой подход позволит исходить из установки, согласно которой духовная безопасность может рассматриваться как целостный феномен, отражающий сопряжённость цивилизации и культуры. С этой точки зрения вполне вероятно достичь некоторой объективации при исследовании указанного явления. Но при этом справедливо отмечается, что для ухода от политизации следует помнить, что определяющим моментом в идентификации рассматриваемого явления остаётся культурное взаимодействие цивилизаций, поэтому любой аспект осмысления духовной безопасности должен прежде всего затрагивать именно указанную сферу. Для объективации явления духовной безопасности в работе имеет место обращение к исследованиям по трансформации ценностей в рамках Всемирного обзора ценностей (WVS) и Европейского социального исследования (ESS).

В последние годы, когда в следствии роста потребительского образа жизни стали очевидными негативные для подрастающего поколения последствия кризиса духовности, интерес к духовной безопасности страны существенно возрос. При этом крайне актуальным остаётся проблема геополитического статуса России как перекрёстка западной и восточной цивилизаций, локуса пересечения разнородных политических систем и традиций. Поэтому следует признать, что достижение социальной стабилизации, устойчивости развития и сохранения национальной идентичности, без решения проблем духовной безопасности невозможно.

Научная новизна публикации связана с проработкой методологического подхода к

исследованию духовной безопасности в контексте современного культурно-цивилизационного развития. Но парадоксально, что ключевым выводом проведённого анализа стала лишь констатация необходимости ухода от политизации данного феномена. При этом не раскрывается содержание понятия «духовная безопасность» в контексте взаимного влияния культуры и цивилизации.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью и грамотностью изложения. Содержание соответствует требованиям научного текста. Статье присущ хороши уровень научной концептуализации.

Библиография работы включает 22 публикации как на русском, так и на иностранных языках. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере.

Вывод: Статья «Духовная безопасность в условиях современного культурно-цивилизационного развития» имеет научно-теоретическую значимость, соответствует отрасли – социологические науки. Она будет представлять интерес для специалистов в области социологии культуры, а также в области национальной безопасности. Работа может быть опубликована после конкретизации выводов в части раскрытия содержания понятия «духовная безопасность» в рамках заявленного методологического подхода.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Равочкин Н.Н., Попов Е.А. — Концептуализация понятия "досуговые практики" в современной социологии // Социодинамика. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.2.39716 EDN: DYJNGP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39716

Концептуализация понятия "досуговые практики" в современной социологии

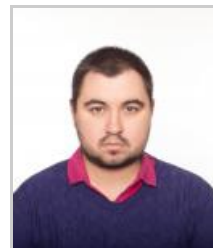
Равочкин Никита Николаевич

доктор философских наук

профессор, кафедра истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева; доцент, кафедра педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

650000, Россия, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28

✉ nickravochkin@mail.ru

Попов Евгений Александрович

доктор философских наук

профессор, кафедра социологии и конфликтологии, Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 61

✉ popov.eug@yandex.ru

[Статья из рубрики "Человек и труд"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.2.39716

EDN:

DYJNGP

Дата направления статьи в редакцию:

03-02-2023

Аннотация: В настоящей работе авторы подробно рассматривают сегодняшнее состояние понятийного словаря социологии. В качестве объекта исследования выбирается феномен досуговых практик. А предметом исследования является концептуализация понятия "досуговые практики" в современной социологии. Авторы подробно рассматривают становление досуга в социально-гуманитарном научном знании, начиная с античных философских представлений. Прослежена эволюция досуговых практик от древних форм к современным разновидностям. В качестве теоретических оснований выбраны релевантные тематике классические и современные труды зарубежных и отечественных авторов. Отмечается, что сегодня досуговые практики принято рассматривать преимущественно через призму трех методологических

подходов: символический интеракционизм, структурный функционализм и неомарксизм.

Авторы аргументированно показывают, что в течение своего развития досуговые практики занимают важное место в структуре человеческой активности, поскольку являются одним из самых действенных способов развития личности, формируя ее духовные и физические качества. Досуговые потребности прочно вошли в систему ценностей всех социальных групп, при этом поступательное развитие мировой цивилизации предполагает новые варианты и версии организации и проведения свободного времени. В качестве особого вклада поднятой авторами настоящего исследования тематики для современного социологического дискурса закладывается необходимость непрерывного исследования досуговых практик ввиду их динамической природы и по причине их детерминированности контекстуальными реалиями. Представлен собственный концепт досуговых практик, учитывающий их сущностные характеристики и позволяющий выйти за одностороннее понимание досуга, к примеру, такого широко распространенного как идентичного свободному времени.

Ключевые слова:

досуговые практики, индивид, свободное время, общество, потребности, отдых, стратификация, идентичность, институт, самореализация

В последние десятилетия досуговые практики все чаще попадают в фокус исследователей, принадлежащих к самым различным наукам, при этом преобладающая часть из них сфокусирована на социально-гуманитарных аспектах структуризации свободного времени. Заявленное уточнение понимания их изучения в социологии требует главным образом во избежание ненужной путаницы понятий в теоретико-методологическом аспекте, тогда как в практическом ключе досуг следует полагать одним из значимых оснований формирования личности и целых социальных групп, прежде всего, через деятельность индивидов в их свободное время.

Характерно, что досуговые практики представляют собой динамический феномен, который модифицируется в зависимости от изменений базисных и иных оснований общественной жизни, производя все новые и новые формы поведения человека и способы его самовыражения. В одной из наиболее распространенных трактовок досуговые практики могут предлагаться рассматривать «в качестве рекреационного средства, позволяющего, с одной стороны, восстанавливать интеллектуальный, культурный и физический потенциал, с другой – развивать всю совокупность духовных и физических качеств личности, исходя из ее социокультурных потребностей» [\[5, с. 109\]](#).

Устойчивый интерес и формирование так называемых «досуго-ориентированных» исследовательских областей в (меж)дисциплинарных областях знания за счет проникновения досуговых практик во все сферы жизнедеятельности общества самоочевидным образом обуславливает потребность в систематизации теоретических подходов к их изучению. Конституирование плюрализма досуговых слоев и подпространств в общественной ткани является одним из множества подтверждений необходимости рассмотрения досуга в социологии, к тому же тесно связанной со многими другими науками. К примеру, социологический анализ повседневности отдельно взятого индивида или группы дает возможность для параллельных изысканий в культурологии или экономики, тем самым досуговые практики выступает своего рода «полиморфным индикатором», позволяющим диагностировать различные характеристики

социума.

Пожалуй, для большей валидности настоящего исследования следует обратиться к той области знания, которая является основополагающей и фундаментальной для всех других, а именно – к философии, ведь именно там во времена Античности была заложена проблематика свободного времени, а видным энциклопедистом классического периода развития интеллектуальной мысли Аристотелем было сформулировано диалектическое противоречие «работа – досуг». И хотя досуговые практики существовали задолго до появления древнегреческой философской мысли, и даже не маркируя их превалирующую часть как «примитивные», именно в Античности отчетливо оформляется аксиологический подход к пониманию свободного времени. В то же время необходимо указать, что именно в древнем мире оформился прототип досуга современности – это интересующая индивидов целенаправленная деятельность, которой они заняты вне дома [\[18;19\]](#).

На наш взгляд, обращение к Античности позволяет не только расширить богатый набор выполняемых досуговыми практиками функций, но и уже с древних времен признать самодостаточный и самоценный характер свободного времени, что дает нам все основания полагать досуг в качестве важнейшей переменной общественной жизни. Как полагал Платон, досуг и искусства – вот два краеугольных камня идеального государства. Досуг свободных античных индивидов демонстрировал их принадлежность к хоть сколько-нибудь власти имущим группам, поскольку, в отличие от несвободных рабов он также даровал им истинное удовольствие, радость и счастье [\[13\]](#). Приписываемая досугу статусность во времена Античности создает целую досуговую культуру, сосредоточенную преимущественно вокруг интеллектуальных занятий. В этом плане показательно многообразие так называемых высших и возделывающих пашню интеллекта досуговых форм – литературная, математическая, музыкальная, спортивная, творческая – тогда как повседневные заботы являются «мелкими» и должны быть поручены другим и от которых необходимо максимально дистанцироваться, поскольку такая деятельность не способствует самосовершенствованию свободной личности [\[23\]](#). Вероятно, уже со времен Древней Греции и Рима мы получаем досуг в качестве прикладной философии жизни, очевидным образом обращенной в будущее и призванной проектировать и реализовывать конструктивные изменения с учетом наличной системы ценностей.

Анализ идей Аристотеля дает нам возможность заявить о такой значимой сущностной черте досуговой деятельности как осмысленность. В противовес часто наблюдаемому в современных реалиях растрачиваемому времени Стагирит был убежден, что досуг всецело позволяет реализовать человеческий дух на практике, причем сделать именно в его высших сферах. Стало быть, досуг – это вполне целевая установка, которая, как нам представляется, находится в уникальных, индивидуальным образом осознаваемых, сложных взаимосвязях с любыми разновидностями деятельности способна задавать их логику и даже определять качество ее протекания.

Заложенная античными мыслителями ценностная составляющая досуга прорисовывается еще и в том, что реализуясь в деятельностной форме, он является как источником вдохновения, так и инструментом, наделяющим деятельность смыслом и систематизирующим ее. В частности, по Аристотелю, «досуг, очевидно, включает уже в самом себе и удовольствие, и счастье, и блаженство, и всё это выпадает на долю не занятых людей, а людей, пользующихся досугом» [\[18, с. 135\]](#). Если учесть, что в аристотелевском понимании досуга видное место отводится категориям выносливости,

мужества, справедливости и ряду других, то рассматриваемый феномен предстает перед нами в виде сложного пространства, в котором стремящийся к высоким наслаждениям человек должен тщательно подходить к выбору тех или иных практик. Изучение античных подходов позволяет сделать однозначный вывод: для того, чтобы пользоваться досугом необходимо учиться, ведь в противном случае его высокие формы будут недоступны для индивида, а значит, он никоим образом не обретет искомые максимы блаженства, наслаждения и счастья.

В Средние века досуговые практики были пронизаны духом веры и преимущественно были связаны с религиозными картинами мира. Однако по мере ослабления религии в качестве регулятора общественной жизни имеющаяся многовариантность досуговых форм дополняется также трансформацией досуговых пространств. В эпоху Нового Времени в Европе, да еще с учетом бурно разворачивающихся процессов урбанизации, появление революционных культурных идеалов и закономерным образом вступающих в антагонистические отношения с прежними повседневными традициями было сопряжено с появлением новых социальных групп на фоне капитализации общественных отношений и модернизации.

Появление социологической науки и первых работ, посвященных осмыслению свободного времени, дает нам возможность сформулировать несколько важнейших методологических замечаний. Во-первых, согласно Т. Веблену, беспрецедентная значимость досуга для индивида и общества в целом в зависимости от форм реализации является одним из важнейших критериев для классовой стратификации социума. Во-вторых, с учетом индивидуальных и коллективных предпочтений досуг является надежным средством структурирования свободного времени. Несомненно, что функция досуга, связанная с упорядочиванием времени, играет для общества существенную роль, в результате чего его непреходящая значимость – это диагностический фактор любого социального института. Наконец, постижение аналитических построений М. Вебера и Э. Дюркгейма, в соответствии с которыми посредством досуговых практик люди стремятся восстанавливать силы и энергию, осуществлять трансфер внимания с реальных проблем, развивать воображение, рационализировать свою жизнь, но ни в коей мере не переходя границы между свободным временем и ленью, дает нам основания сопоставлять уровень развития досуга с устойчивостью институциональной архитектуры того или иного социума. В этом плане социология реагирует на вопросы, связанные со стремлением познания механизмов и прорисовывания тенденций общественного воспроизводства, что становится возможным лишь через вдумчивую аналитику досуговых практик как локальных процессов и феноменов, неразрывно связанных с потребностями отдельных индивидов и конкретных социальных групп [\[2;7;13\]](#).

Становление индустриального, а затем и постиндустриальных моделей общества способствовали тому, что в прошлом столетии происходят кардинальные онтологические изменения, касающиеся в том числе и формата досуговых практик. Как уже стало понятно, западная социологическая теория предлагала множество описаний досуговых практик. Любопытно, что возникшее в 1900-е годы в США «Рекреационное движение» понимало под досугом контекстуально независимый феномен, но в то же время оно стремилось рассматривать различные виды активности «вне дома» в корреляции с такими значимыми для индивидов переменными, как «свобода выбора» и «удовлетворенность». Вообще справедливым будет отметить, что американские социологические объединения стремились постичь досуг в эмпирическом ключе, что имеет вполне прагматическую направленность, поскольку позволит различным акторам

предметно решать конкретные задачи. Во многом бурное разворачивание социологических исследований досуга связано с развитием городов и появлению гарантий в области трудовой деятельности, которыми, к примеру, являются введение 8-часового рабочего дня и отпусков, увеличивших наличный объем свободного времени трудящихся индивидов [\[9\]](#).

Увеличение объема исследований, посвященных изучению досуговых практик, самым непосредственным образом способствует институционализации социологии досуга как отдельной отрасли социологической науки. Это неудивительно, ведь именно со второй половины XX века запустились многочисленные сценарии постиндустриального транзита, где досугу отводилась важная роль как в общественном развитии, так и в атрибутивном плане, что, в частности, можно усмотреть в консьюмеристской и посттрудовой моделях социума, а также в «обществе досуга»: «Современное общество в рамках данных концепций рассматривалось как общество, в котором труд лишается своего прежнего преобладающего значения, вследствие чего сокращение рабочего времени приводит к возрастанию роли досуга, который, в свою очередь, занимает то место, что до этого занимал труд. Именно поэтому досуг становится главным основанием идентичности человека и важнейшим жизненным интересом» [\[21, с. 3\]](#). В то же время нельзя не отметить, что «общество досуга» лишь одна из прогностических моделей будущего облика мира, поэтому данный концепт лишь сценарная версия, но не свершившийся факт.

Д. Габор считал, что неизбежное практическое воплощение общества досуга вместо двух других, на наш взгляд, пессимистических, сценариев (ядерная война либо перенаселение) гораздо более опасно, поскольку ментально в контекстуальных условиях послевоенного мира человечество попросту не готово к его масштабному разворачиванию. При этом в западном мире данная версия постиндустриального общества должна была воплотиться буквально в течение жизни одного поколения, но существенное торможение связывается им с транзакционными издержками, приходящимися на функционирование других социальных институтов [\[28\]](#).

В свою очередь противники главенствующей роли досуга среди прочих институтов общественной жизни прямым образом указывали на явный утопический характер реализации данного сценария. Американские социологи Дж. Келли и Т. Кандо считали, что сторонники «общества досуга» недооценивают, а то и вовсе пренебрегают социальными и политическими конфликтами, экологическими проблемами, сокращением производства товаров и развитием реального сектора экономики и ее структурными сдвигами. В свою очередь С. Де Гразия делал акцент, что иллюзорность «общества досуга» сопряжена с тем, что перманентное пребывание в досуговых практиках может быть свойственно очень небольшому числу мирового населения. При этом он указывал, что досуг позволяет человеку совершенствовать свои интеллектуальные или моральные способности, которые витальны для того, чтобы люди могли служить обществу [\[27; 29; 30\]](#).

Выходит, усиление внимания социологов к исследованиям досуга было продиктовано социокультурными переменами. Развитие популярной культуры – вот еще один очевидный драйвер становления социологии досуга, что также позволяет обнаружить взаимосвязи досуговых практик с другими социальными институтами. Обращает на себя внимание французская традиция, в рамках которой Ж. Дюмазедье предложил весьма интересную социологическую интерпретацию досуга как области «производства новых социальных ценностей, обусловленных его свободной, бескорыстной, гедонистической и личностной природой» [\[9, с. 157\]](#). Досуг также обусловлен потребностями личности в

индивидуализации собственной активности, что окончательно позволяет установить его теснейшую связь с деятельностным подходом. В то же время, любая деятельность личности протекает по ее собственному усмотрению, что позволяет трактовать досуг как один из вариантов социального времени. Но при этом любопытно другое – это понимание досуга как некоторого остаточного времени в общем бюджете времени индивида в зависимости, разумеется, от его приоритетов [\[9\]](#). Хотя не будет лишним привести множественные кейсы, когда аксиологические модусы личности бывают настолько вульгаризированы, что традиционные приоритеты семьи и работы приобретают настолько малую значимость, что те или иные индивиды предпочитают строить вокруг себя так называемую «досуговую реальность», содержание которой ни в коей мере не поддается объяснениям здравого смысла.

Размышляя о представленном выше положении дел, мы считаем, что такие сдвиги в иерархии ценностей объясняются преобладанием необходимых субъекту эмоций при осуществлении досуговых практик, нежели при рутинной деятельности. По этому поводу основоположник игровой концепции Й. Хейзинга приводит аргументы, что ценность досуга обусловлена автономие от иных сфер жизнедеятельности, как и макроконтекстуальных рамок, что невольно отводит рассматриваемой сфере вторичную, суть вспомогательную, роль среди прочих практик, которые, как представляется, более значимы для человечества [\[24\]](#). Также досуг получил свое фундаментальное изучение в концепции Р.А. Стеббинса, который подчеркивал, что активный или пассивный досуг включает кратковременное счастье, приносит удовольствие, позволяет расслабиться, способствует оптимизации социализации [\[20, с. 61-64\]](#). По мнению ученого, серьезный досуг, помимо удовольствия и отдыха, может способствовать формированию новых умений, навыков, отвечает целям самореализации личности, самообогащению. Кроме этого, значимость досуговых практик для личности связывается с обретением идентичности: «Чем меньше возможностей для самовыражения дает повседневная жизнь, тем больше эту функцию призван выполнять досуг. Немаловажной, особенно для молодежи, является способность досуга поддерживать социальную интеграцию и контроль» [\[9, с. 159\]](#).

Конструирование личностью собственной идентичности является одним из важнейших структурных элементов в символическом интеракционизме. В частности, И. Гофман придавал большое значение спектаклизации повседневности, для чего индивиды используют самые различные реквизиты, так или иначе изменяющие их имидж. Каждый человек выходит на сцену и стремится собрать, а затем и транслировать окружающим ту самую, как говорят сегодня, «лучшую» версию самого себя. Однако всегда следует помнить, что абсолютно любой индивид скрывает или искажает свой образ, сознательно не доводя до контактирующих с ним субъектов те данные, которые, как считает автор своей идеальной модели, им попросту не следует знать о нем. С. Шоу отмечал ментальную природу досуга, а его генезис усматривается им в интересубъективных взаимодействиях. Досуг, по его мнению, это функция навыков индивида символически трансформировать интерпретации данных связей с окружающими. Поэтому извлекаемые смыслы всегда могут быть модифицированы и нормализованы, но лишь в тех случаях, когда они легитимируются другими участниками интеракций [\[4;22;31\]](#).

С позиции социологии досуг также рассматривается в структурно-функциональном подходе. Как известно, «в структурном функционализме институты выступают частями социальной структуры. Но помимо собственно функциональной составляющей они придают большое значение и статусно-ролевой системе <...> институт выступает

средством удовлетворения потребностей через исполнение заложенного в него набора функций для бук-вального выживания обществ. Институты у Т. Парсонса предстают в виде части культурной подсистемы и нормативных стандартов поведения и представляют собой всеобщие нормативные модели, определяющие разрешенные и запрещенные варианты поведения людей во всем многообразии социальных взаимодействий» [\[16, с. 23\]](#). В логике представителей этого социологического направления институт досуга выполняет в обществе целый ряд функций, обеспечивающих целостность социальной системы, позволяя преодолеть многочисленные противоречия.

Э. Гросс высказывал мнение, что досуг, как, впрочем, и труд не только являются двумя сферами активности индивидов, но и выступают механизмами сохранения, поддержания и транслирования культурных паттернов, а также способствуют социализации благодаря усвоению человеком общественно одобряемых норм и правил поведения. Заслуживает внимания концепция досуга С. Паркера. Он считает, что целостность системы и ее солидаризация благодаря досуговым практикам обеспечивается с позиции следует рассматривать не с позиции количества времени, на него затрачиваемого а-ля компенсация временных ресурсов, посвященных трудовой деятельности, но исключительно принимать во внимание качества проведения досуга, имеющего главным образом творческую направленность [\[22\]](#).

Третьей социологической концепцией современности, изучающей досуговые практики, является неомарксистская. Напомним, что в работах Маркса под досугом понималось «свободное время, представляющее собой как досуг, так и время для более возвышенной деятельности, разумеется, превращает того, кто им обладает, в иного субъекта, и в качестве этого иного субъекта он вступает затем в непосредственный процесс производства» [\[11, с. 221\]](#). Немецкий мыслитель высоко ценил роль свободного времени в индивидуальном и общесоциальном плане, по аналогии с античными философами полагая, что оно прежде всего необходимо для интеллектуального развития, а также межличностного общения и выполнения тех или иных социальных функций.

Не отходя от дихотомии «труд – досуг», неомарксисты считают, что капитализм детерминирует природу обоих структурных элементов. Дж. Кларк и Ч. Критчер приходят к следующему выводу: «Под прикрытием необходимости сохранения общественного порядка, государство навязывает индивидам необходимые способы проведения досуга, который постепенно становится подчиненным государству и поддерживаемому им капиталистическому строю, теряя элементы свободы и выбора, становясь похожим на оплачиваемый труд» [\[22, с. 451\]](#). Также эти социологи не забывают про одну из ключевых марксистских категорий, которой является «класс». Мы солидарны с Кларком и Критчером в том, что неравномерное распределение ресурсов является диспозиционной предпосылкой неодинакового проведения досуга представителями различных социальных групп. Так, обладание финансовыми ресурсами и образованием руководителя среднего звена и студента второго курса будет являться достаточным основанием для того, что содержание их досуговых практик будет в корне отличаться, если, конечно, первый из них не захочет вспомнить студенческие годы, а второй не окажется случайным гостем на мероприятии высокого уровня [\[26\]](#). Кроме этого, их эмоциональное послевкусие также будет существенно отличаться. Теоретики Франкфуртской школы уделяли особое внимание уже отмеченной нами массовой культуре. При этом по отношению к досугу они также включают в свою исследовательскую оптику развитие технической сферы, участвующую в создании и

совершенствовании средств массовой коммуникации. Благодаря этим двум инструментам в обществе происходит дистрибуция политических идей, используемых властными акторами для воспроизводства необходимого социального порядка. Выбор – это манипулятивным образом созданная иллюзия, поскольку индивиды выбирают лишь из того, что предлагается теми, кто занят созданием культурных символов. Таким образом, ценности и смыслы, заложенные в индустрию досуга, служат интересам крупных экономических агентов, что в последующем открывает широкие возможности для контроля населения и приобщение к все возрастающим объемам потребления продуктов массовой культуры [\[15;17\]](#).

В отечественном дискурсе исследования досуговых практик проводились, к примеру, Г.А. Пруденским, но с учетом преобладания идеологического компонента в советский период развития обществоведения их функционал усматривался исключительно в восстановлении сил для трудовых подвигов, необходимых для строительства коммунизма [\[14\]](#). Следует признать, что к настоящему времени в российской социологии все еще не сложились собственные концептуальные программы и не сформировались концептуальные и методологические подходы к изучению досуговых практик. Во многом это объясняется тем, что досуг зачастую включался в контекст более масштабных проектов, касающихся, например, осмыслению образа жизни [\[3\]](#). Россия не оказывается изолированной от остального мира и влияния мегатрендов и многомерных процессов, усложняющих описание и без того неоднозначной и трудно прогнозируемой социальной реальности. Да, как и во многих (макро)регионах в российском обществе произошли многочисленные изменения, что конституировало целый ряд противоречий. Однако нельзя не отметить повышение ценности досуговых практик в национальных условиях. Пожалуй, изучение повседневности индивида открывает широкие аналитические возможности для решения насущных проблем, а социологические исследования досуга дали бы ответ в части понимания общего самочувствия сограждан. В экономике уже отчетливо намечены траектории движения к впечатлениям, креативу и эмоциям, а руководство успешным опытом столицы и мегаполисов позволят, как мы считаем, предложить некоторые когнитивные основания для повышения благополучия населения страны.

Остановимся на некоторых определениях досуга, предлагаемых отечественными авторами. Е. И. Дробинская полагает, что досуг «буквально означает возможность что-то совершить, т. е. это деятельность, посредством которой человек восстанавливает способность к труду и самосовершенствованию» [\[6, с. 7-8\]](#). Также досуг может рассматриваться как «многомерный общественный феномен, как концепцию формирования, сбережения, популяризации и потребления нравственных ценностей, общепризнанных этических норм, познаний, а также различных символов и значений» [\[8, с. 12\]](#), как осуществление личностью незанятого времени в соответствии со сложившимися традициями и практиками. Однако в отечественном гуманитарном научном знании одной из наиболее часто встречающихся интерпретаций «досуга» является следующая: часть нерабочего времени индивида, которое остается после вычета из общего бюджета времени различного затрат, необходимых человеку для воспроизводства жизненных функций и удовлетворения физиологических потребностей [\[12, с. 96\]](#).

Организация досуговой деятельности представляет собой целенаправленный процесс моделирования условий для «мотивированного выбора личностью предметной деятельности и как перцептивно-коммуникативного процесса (восприятия и общения),

определяемого ее потребностями и интересами и способствующего усвоению, сохранению, производству и распространению духовных и материальных ценностей в сфере досуга» [\[1, с. 3\]](#). Умение проведения досуга представляет собой многоуровневое качество личности, которое находит свое отражение в умении конструктивно, плодотворно использовать свое свободное время, получать удовольствие от выбранных видов деятельности, постоянно повышать уровень духовных потребностей, создавать новые культурные ценности. Умения конструктивно использовать свое свободное время таким образом превращаются в системообразующее качество личности [\[8, с. 13\]](#).

Понимание досуговых практик как направленных процессов указывают на то, что их цель заключается в аттракции и инкорпорировании индивида к вполне конкретным культурным нормам и паттернам посредством активного отдыха, интертейнмента, коммуникации или какой-либо креативной деятельности. Несомненно, что любой досуг выступает коррелятом индивидуально или же коллективно смоделированной фелицитарной жизни. Формы и содержание культурно-досуговой деятельности формируются в рамках культурных представлений конкретных социальных групп, да еще с учетом индивидуальных, возрастных и иных потребностей и интересов [\[12, с. 96-97\]](#). Самоочевидно, что такие проективные замыслы по поводу реализации необходимого культуросозидающего потенциала соответствующим образом требуют вдумчивого исследовательского подхода, который бы к тому же позволил бы выйти за рамки излишне одностороннего понимания.

В целом беспрецедентные трансформации досуговой сферы и становление новой социокультурной ситуации уже продиктовали потребность для создания некоторой типологизации при изучении досуговых практик в национальных и региональных эмпирических контекстах. С учетом трех наиболее авторитетных социологических подходов в зарубежном дискурсе прямо сегодня складывается так называемая «новая» история досуга, в рамках которой исследователи отходят от дескрипций, отдаленных от нашего времени практик развлечений и создания нарративов о свободном времени в те или иные исторические эпохи. А.С. Ходнев показывает, что современные исследователи досуга стремятся увязать особенности потребления в связи с последствиями разворачивания новых экономик, поведенческими особенностями групп и классов, формированием идентичности – всего того, при помощи чего социологи стремятся понять сущность досуговых практик и провести их теоретические и эмпирические в логике конвергенции подходов [\[25\]](#).

В целом ускорение социально-экономического развития общества с сопутствующими ему изменениями по-новому актуализировали проблематику свободного времени. По сути, смена мировоззренческих установок на фоне произошедших трансформаций способствовала институционализации свободного времени. Можно опереться на теоретические конструкты прагматизма – и в духе настоящей эпохи заявить, что современный человек перманентно находится в состоянии осуществления выбора, причем гораздо более сложного, нежели стремительно архаизирующиеся бинарные оппозиции. Резонно считать, что перестройка социальных оснований и конституирование принципиально новой среды взаимосвязаны с трансформациями бытия современного человека, который отныне вряд ли может рассчитывать на пассивное участие в интересусубъективных взаимодействиях и отождествлять предыдущие поведенческие паттерны условием достижения успеха в жизнедеятельности. Поиск иных вариантов реагирования на актуальные предложения определяют использование индивидом свободного времени не иначе как «по-умному», гармонизирующего абсолютно все сферы его активности. Спроектированные в такой логике досуговые практики

существенным образом делают более реальными для индивида искомые «возможности успешного решения задач самореализации, самоопределения, формирования отзывчивости на общественные проблемы, умения обретать новый социальный опыт» [\[10, с. 69\]](#).

Развитие досуговых практик и самой сферы досуга теснейшим образом переплетаются с уровнем потребностей населения и сложностью жизнедеятельности того или иного социума. Произошедшие в последние десятилетия изменения смыслов человеческого бытия коснулись динамических социокультурных переменных, прежде всего история, свобода, труд. Именно поэтому сам досуг выступает обособленным инструментом, влияющим на переформатирование привычных социальных связей, задавая и разрешая все новые пласты различного рода проблем.

Повседневный опыт через его взаимодействия со стремительно изменяющейся на наших глазах социокультурной средой инструментальным образом позволяют исследователю увидеть одобряемые интенции индивидов. Досуговая деятельность, как уже было сказано, является тем сложным механизмом, запуск которого позволяет диагностировать целый комплекс проблем, связанных с многочисленными попытками обретения отдельным человеком и целыми группами собственной идентичности. Именно поступательное приобщение к новой деятельности в конкретных группах и при определенных ограничениях способствует высвечиванию совершенно иных форм самореализации.

Показательным примером становится плюрализм имеющихся вариантов выбора организации досуговых практик в городах и сельских населенных пунктах. Максимально широкая представленность в урбанизированных территориях, да еще и постоянно пополняемая новыми формами, приводит к появлению новых потребностей и эмоций от их удовлетворения, тогда как сельские жители довольствуются относительно неизменяемым набором доступных сервисов, которые вряд ли корреспондируют с теми репрезентациями интересного проведения свободного времени, создаваемыми современными медиа. В таком понимании усматривается одна важная деталь, наталкивающая на закономерные вопросы: «А соответствуют ли досуговые практики второго типа таким сущностным чертам, как саморазвитие и творчество, несут ли они в себе позитивные эмоции и как это может быть связано со свободой выбора?».

В очередной раз подтверждается сильное детерминационное воздействие контекстуальных реалий на досуговые практики, которые перманентно изменяют свое содержание и структуру не только в общепланетарном, но и локальном, в данном случае – городском или же сельском, масштабе. Соответственно, в координатах городского пространства досуг является одним из интенсивно развивающихся направлений, которое в большей степени, нежели в других населенных пунктах, дифференцирует население, к примеру, по активности или статусу по причине максимальной представленности возможных вариантов структуризации индивидами своего свободного времени.

В заключение отмечаем, что сегодня необходимо следовать комплексному пониманию рассматриваемого феномена, сущность которого, на наш взгляд, наиболее полно может быть отражена в следующем концепте: «Досуговые практики» – это реализуемая в свободное время и некоторой социокультурной среде индивидом или группами активность, не связанная с основной деятельностью, направленная на саморазвитие и увеличение творческого потенциала и способствующая более точному пониманию людьми собственной идентичности.

Досуг является важнейшим аспектом жизнедеятельности современного человека. В настоящее время интерес к этой сфере связан с теми онтологическими сдвигами в обществе и содержательным богатством самих досуговых практик. Досуговые потребности прочно вошли в систему ценностей всех социальных групп, при этом поступательное развитие мировой цивилизации предполагает новые варианты и версии организации и проведения свободного времени. Сегодня правомерно говорить об индустрии досуга, в рамках которой, пожалуй, каждый индивид в зависимости от потребностей, собственных возможностей и экспектаций может найти формальные и неформальные способы приобщения к тем или иным практикам. В этом плане показательна та идентичность, которую позволяет обрести досуг как таковой. Социокультурная дифференциация как одна из функций досуговых практик позволяет уточнить статус каждого отдельно взятого человека.

Библиография

1. Асанова И.М., Дерябина С.О. Организация культурно-досуговой деятельности. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 192 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1996. – 489с.
3. Головина Г.В. Культура досуга как фактор формирования современного общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2010. – № 4. – С. 156-161.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М. «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.
5. Григорьева Н.В., Маслова О.М. Молодежный досуг в условиях современного города // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2013. – № 2. – С. 109-113.
6. Дробинская Е.И. Свободное время и развитие личности. – Л., 1983. – 89 с.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М.: Изд-во «Наука», 1991. – 158 с.
8. Журик Т.С., Шерстюкова Е.А. Роль организации досуга в развитии личности студента на примере Белгородской области//Научный результат. Педагогика и психология образования. – Т. 3. – №4. – С. 11-18.
9. Казакова А.Ю. Проново Ж. Общество и досуг. (Реферативный перевод с англ.) Pronovost G. Society and leisure // Current sociology. – L., 1998. – Vol. 46. – No 3. – P. 1–138. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2019. – № 4. – С. 156-190.
10. Климова Т.В., Савченко В.С. Влияние досуговой деятельности на социальную активность студентов // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 56. – С. 69-74.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал Сочинения. Изд-е второе. – М., 1960. – Т. 23. – С. 43–900.
12. Пирожкова М.А. Культурно-досуговая деятельность как фактор формирования речевой культуры // Вестник культуры. 2014. № 3 (27). С. 96-98.
13. Понукалина О.В. Досуг в теоретическом дискурсе социологии: подходы к исследованию // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т. 17. – № 6. – С. 83-89.
14. Пруденский Г.А. Проблемы рабочего и вне рабочего времени. – М.: Наука, 1972. – С. 41.

15. Равочкин Н.Н. Рассмотрение политико-правовых институтов с позиции критической теории // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10. № 1А. С. 132-142.
16. Равочкин Н.Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов: теоретико-методологические и прикладные аспекты. – Кемерово: КузГТУ, 2021. – 258 с.
17. Равочкин Н.Н. Теория и практика сетевого подхода в интеллектуальной истории // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 3. – С. 151-162.
18. Рябков В.М. Античные идеалы досуга в контексте современных социально-культурных практик // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 1 (87). – С. 133-138.
19. Рябков В.М. Проблемы досуга в наследии Аристотеля // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 1 (46). С. 416-420.
20. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 64-72.
21. Сырцева А.Г. Досуг как социологическая категория // В сборнике: Записки философского факультета Орловского государственного университета. – Орел, 2015. – С. 3.
22. Фаблинова О.Н. Досуг как объект изучения в западной социологической мысли // Социологический альманах. – 2013. – № 4. – С. 447-453.
23. Фролова Е.М. Досуг как философия жизни античного интеллектуала (по письмам Плиния Младшего) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. – 2009. – № 8. – С. 393-400.
24. Хейзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Наука, 1988. – 563 с.
25. Ходнев А.С. «Новая» история досуга как исследовательское поле // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 1. – № 1. – С. 23-27.
26. Clarke J., Critcher Ch. Leisure and Inequality Sociology of Leisure. – London, 1994. – P. 247-255.
27. De Grazia, S. Of Time, Work, and Leisure. – New York: The Twentieth Century Fund, 1962. – 559 p.
28. Gabor D. Inventing the Future. – London: Pelican, 1964. – 199 p.
29. Kando Th. Leisure and Popular Culture in Transition. – St. Louis: Mosby, 1980. – 343 p.
30. Kelly J. R. Leisure. – Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1982. – 426 p.
31. Shaw S. M. The Meaning of Leisure in Everyday Life // Leisure Sciences. – 1985. – № 7 (1). – P. 1-2

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Концептуализация понятия "досуговые практики" в современной социологии» предмет исследования – это досуг как сфера жизнедеятельности человека. Цель исследования вытекает из названия работы, хотя в самой работе и не конкретизирована.

Методология исследования базируется на ретроспективном анализе понимания досуга и

досуговых практик, который позволяет рассмотреть данные феномены с учётом изменения во времени, начиная от античного периода до текущего момента времени. При этом, хотя в работе и проанализированы работы античных мыслителей (в основном Аристотель), но основной анализ сделан на период институционализации социологии досуга как отдельной отрасли социологической науки, которому в работе уделено довольно большое внимание.

Досуг традиционно является одной из важнейших сфер жизнедеятельности человека, в рамках которой происходит формирования личности и целых социальных групп, прежде всего, через деятельность в свободное время. Досуговая деятельность оказывает существенное влияние на становление ценностных ориентаций человека, его интеграцию в различные сферы общественной жизни. Повышенный интерес к социологическому исследованию досуга определяется также изменениями содержания и структуры досуга под воздействием социокультурных трансформаций в современном обществе. Безусловно, досуг как сфера жизнедеятельности современного человека требует глубокого научного осмысления.

Научная новизна публикации связана с структурированием научных публикаций по проблематике досуга и досуговых практик. Это позволяет сформулировать следующее определение: досуговые практики – «это реализуемая в свободное время и некоторой социокультурной среде индивидом или группами активность, не связанная с основной деятельностью, направленная на саморазвитие и увеличение творческого потенциала и способствующая более точному пониманию людьми собственной идентичности». Исследование показало, что изменение досуга связано как со сдвигами в обществе, с уровнем потребностей населения и сложностью жизнедеятельности того или иного социума, так и содержательным богатством самих досуговых практик, появлением новых вариантов и версий организации и проведения свободного времени. Заслуживает внимание также попытка связать досуговые практики с процессом идентификации человека. Выводы, сформулированные в статье, в целом обоснованы. Содержание соответствует требованиям научного текста.

Данное исследование характеризуется общей последовательностью и грамотностью изложения. Статье присущ хороший уровень научной концептуализации. Она будет представлять интерес для специалистов в области управления культуры и организации социокультурной деятельности (досуга).

Библиография работы включает всего 31 публикацию и включает издания как на русском, так и на иностранных языках. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере.

Вывод: Статья «Концептуализация понятия "досуговые практики" в современной социологии» имеет научно-теоретическую значимость, соответствует отрасли – социологические науки. Работа может быть опубликована.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Виноградова И.А., Иванова Е.В., Блинова А.О. — «Третья миссия» университета: исследование потенциала университетских кампусов во взаимодействии с городскими сообществами // Социодинамика. – 2023. – № 2.
DOI: 10.25136/2409-7144.2023.2.39553 EDN: FPBHGO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39553

«Третья миссия» университета: исследование потенциала университетских кампусов во взаимодействии с городскими сообществами

Виноградова Ирина Анатольевна

ORCID: 0000-0002-3204-8100

кандидат психологических наук

доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории образовательных инфраструктур научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд проезд, 4

✉ vinogradov.ir@yandex.ru**Иванова Елена Владимировна**

ORCID: 0000-0002-4740-4235

кандидат психологических наук

доцент, зав.лаборатории образовательных инфраструктур научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

129226, Россия, Москва область, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд проезд, 4

✉ ivanovaev@mgpu.ru**Блинова Александра Олеговна**

ORCID: 0000-0002-9917-0047

младший научный сотрудник лаборатории образовательных инфраструктур научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования, ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд проезд, 4

✉ blinovaao@mgpu.ru

[Статья из рубрики "Проблема социального партнерства"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.2.39553

EDN:

FPBHGO

Дата направления статьи в редакцию:

30-12-2022

Аннотация: Городским университетам отводится ведущая роль в формировании образовательной, социокультурной, интеллектуальной среды города. При этом формируется новая парадигма взаимодействия университетов с горожанами в рамках реализации идеи «города как сообщества горожан», когда городские сообщества становятся полноправными субъектами развития города наряду с городскими властями. В связи с этим предметом исследования стало выявление потенциала университета во взаимодействии с городскими сообществами. Методы исследования: опрос, фокус-групповое интервью с элементами мозгового штурма. В исследовании приняли участие представители разнообразных городских сообществ города Москвы (N=170), студенты, преподаватели ГАОУ ВО МГПУ (N=358). Результаты исследования. В качестве приоритетных направлений взаимодействия университетских кампусов с городскими сообществами можно обозначить: образовательное (консультирование и сопровождение горожан, курсы, клубы, вебинарные программы, кружки для детей и взрослых, лекции; популяризация тем по запросам сообществ; присмотр и уход); диагностическое; исследовательское; волонтерское; спортивно-оздоровительное; инфраструктурное; культурно-досуговое; экспертное; развитие инфраструктуры города. При выстраивании такого взаимодействия важно учитывать: нормативные и юридические аспекты предоставления инфраструктуры университета городским сообществам и привлечения преподавателей, студентов для реализации образовательных программ для горожан разного возраста; финансовую сторону взаимодействия с городскими сообществами; запросы со стороны городских сообществ; психологические и организационные стороны взаимодействия с городскими сообществами; взаимодействие с муниципалитетами и представителями управ района, образовательными и иными организациями, работающими с населением и заинтересованными в ресурсах университета.

Ключевые слова:

волонтерское направление, городские сообщества, досуговое направление, инфраструктура университета, исследовательское направление, консультативное направление, образовательное направление, потребности городских сообществ, третья миссия университета, университетский кампус

Введение

В мировой практике вузовского образования длительное время существовало традиционное представление об университете как центре образования, науки. Современный университет расширяет границы образовательных и научных проектов и активно реализует «третью миссию», включаясь в социальную и культурную жизнь общества [\[1-4\]](#). Как отмечают исследователи, социальная функция возникает в качестве потребности университета, а не обязанности [\[5\]](#). Как показывает опыт европейских вузов, реализация социальной функции может быть полезна для университетов (социальное партнерство в процессе обучения и научно-исследовательской деятельности, формирование доверия к вузу) и студентов (возможность применения полученных академических знаний вне стен университета, приобретения новых компетенций, в целом развития личности как активного гражданина).

Необходимость обновления и развития приводит университеты к поиску новых стратегий

и технологий интеграции с различными местными (городскими, региональными) сообществами [6-8]. Университеты встраиваются в различные типы сообществ и становятся «неотъемлемой частью местной, национальной и глобальной общественных систем, формируя часть того, что принято называть обществом» [9, с. 104].

Существование университета на территории региона, города – это перспектива непрерывного обучения на протяжении всей жизни (Lifelong learning) и повышения уровня человеческого капитала [10], ресурс для развития территорий города / региона (объекты социальной инфраструктуры университетов и общественных пространств, используемых горожанами, число вовлеченных в волонтерские и социальные проекты на базе вуза и др.) [11, 111]; наличие крупного университета – необходимое условие развития креативной экономики города / региона [12, 13]. В этом аспекте важны и востребованы ресурсы университетских кампусов. На территории университетских кампусов расположен комплекс зданий для нужд образовательного процесса, в том числе библиотеки, лаборатории, имеется спортивная инфраструктура, точки общепита и другие объекты социальной инфраструктуры, которые могут быть востребованы горожанами [14].

Идея «академической деревни», изначально воплощенная в кампусах американских университетах, реализуется и в российской системе высшего образования. Строительство университетских кампусов позволит эффективно реализовать задачи, поставленные в рамках проекта «Приоритет – 2030». Так, в настоящее время России появилось значительное число университетов кампусного типа: Сколковский институт науки и технологии, Университет Иннополис, НИТУ «МИСиС», ФГАОУ ВС «Дальневосточный федеральный университет» на острове Русский и др., но при этом территории вузов зачастую оказываются недоступными для горожан, что ограничивает их возможности для оказания образовательных, культурно-просветительских услуг и реализации проектов с вовлечением населения [15]. Как отмечают исследователи, сложность реализации «третьей миссии» университетом, с одной стороны, может быть связана с необходимостью создания нормативно-правовых, управленческих и мотивационных механизмов взаимодействия университета с городом, а с другой – с изменением отношения к общественным и социальным мероприятиям как к образовательным.

В приоритете находится концепция открытого распределенного кампуса, включенного в городскую и региональную жизнь и развитие. В этом плане интересен опыт зарубежных и российских университетов. При университете Наварры (University of Navarre, Spain) функционирует клиника, которая предоставляет медицинские услуги не только студентам и сотрудникам, но и жителям города. В музее, театре, библиотеке, спортивном комплексе на постоянной основе ведутся учебные, культурные, спортивные программы для жителей города. В Венском университете экономики и бизнеса (Vienna University of Economics and Business, Austria) реализована концепция «Прогулка вдоль парка». На территории предусмотрены места для обучения и исследований, активного отдыха. На нижних этажах учебных корпусов располагаются объекты социальной инфраструктуры, доступные всех горожанам (кафе, пекарни, книжные магазины, аудитории, коворкинги и т. п.). НИУ ВШЭ успешно реализует проект «Университет, открытый городу», взаимодействуя с горожанами не только на своей территории (лекции и научные семинары, клуб любителей документального кино и т. п.), но и на различных городских площадках (лекторий в музеях города Москвы, парках, проект «Академия школьников» и т. п.). ФГАОУ «Московский политехнический университет» на постоянной основе проводит научно-популярные, просветительские события для горожан (бесплатные курсы

по 3D-моделированию и транспортному дизайну среды, летние школы для детей, образовательные курсы для людей старшего возраста, научные фестивали, кинопоказы и т. п.).

Анализ характера взаимодействия университета с горожанами, проведенный Управлением программ развития и аналитической деятельности ГАОУ ВО МГПУ (далее – МГПУ), показывает, что основными направлениями являются: различного рода образовательные программы, курсы, мастер-классы; научно-практические конференции; стажировочные площадки для обучения в конкретной предметной области (иностраный язык, биология и т. п.); программы и специальные курсы по метапредметным навыкам и компетенциям (например, курс «Культура делового общения»); предоставление специальной инфраструктуры для горожан (специальные кабинеты, залы, музеи и т. п.); участие в совместных проектах (например, проект «Юные экологи Москвы»). Достаточны, необходимы, актуальны ли данные форматы взаимодействия университета с городом? Какие перспективы взаимодействия кампусов университета с городскими сообществами города Москвы? В связи с этим исследовательским вопросом важным становится поиск и разработка эффективных форматов взаимодействия университета с городскими сообществами.

Цель исследования – выявить потенциальные потребности городских сообществ и характер вовлеченности студентов, преподавателей и административно-управленческого состава в деятельность городских сообществ и возможности взаимодействия кампусов университета с сообществами города.

Гипотеза исследования: возможности взаимодействия кампусов университета с сообществами города состоят в активном использовании его инфраструктурных, социальных, просветительских, волонтерских ресурсов.

Основные вопросы, на которые мы попытаемся ответить в процессе исследования: Каковы основные предикторы объединения людей в городские сообщества? В чем заключаются потенциальные потребности городских сообществ? Какова роль университета в развитии и /или поддержке сообществ горожан? Каковы возможности взаимодействия кампусов университета с сообществами города?

Организация и методы исследования

С целью исследования городских сообществ и определения направлений взаимодействия с ними мы проанализировали ряд исследований по данной проблематике [\[2\]](#) [\[16, 17\]](#) и сформулировали рабочее определение городского сообщества как неформального объединения горожан, нацеленного на совместное решение проблем, возникающих в процессе жизнедеятельности в городе (добрососедские сообщества, сообщество жильцов дома, волонтерство, благотворительность, экосообщества, студенческие сообщества, родительские сообщества и др.).

За основу описания городских сообществ мы использовали классификацию, составленную в ходе анализа зарубежных и отечественных исследований по проблеме городских сообществ: сообщества, спланированные через технологии управления; сообщества по интересам; субкультуры (в основном молодежные сообщества); сообщества социальной или городской проблемы; сообщества дистанцированной симпатии (волонтерство, благотворительность); экосообщества; родительские сообщества; студенческие сообщества; профессиональные сообщества.

Для исследования потенциала кампусов учебных институтов университета в

удовлетворении потребностей городских сообществ мы использовали следующие методы: опрос, фокус-групповое интервью с элементами мозгового штурма.

Цель опроса: выявить основные предикторы объединения людей в городские сообщества и потенциальные потребности городских сообществ; определить возможности взаимодействия кампусов университета с сообществами города.

Для разработки опросника нами был определен пул ключевых содержательных вопросов для исследования вовлеченности в городские сообщества и причин вступления в сообщества, дефицитов сообществ, возможных форматов взаимодействия с университетом.

Диагностический инструментарий разработан с учетом основных групп критериев, определяющих городские сообщества:

диспозиционные – группа показателей, позволяющих оценить интересы, ценности, цели, мотивы вступления в городское сообщество;

коммуникативные – группа показателей, определяющих характер межличностных, межгрупповых взаимоотношений внутри городских сообществ;

праксеологические – показатели, отражающие распространенность объединяющих практик городских сообществ;

инфраструктурные – группа показателей, определяющих наличие материальных объектов для развития городских сообществ;

когнитивные – показатели, отражающие информированность субъекта о содержании консолидационных процессов;

информационно-технологические – показатели, позволяющие исследовать влияние фактора цифровизации на процесс создания и развития городских сообществ;

поведенческие – характер и направленность деятельности городских сообществ, способность принимать ответственность в зоне своих интересов, инициативность, способность брать ответственность за своё и общее дело;

эмоционально-оценочные – эмоциональные связи и контакты, объединяющие участников сообществ [\[18\]](#).

В исследовании приняли участие 528 респондентов, из них представители разнообразных городских сообществ города Москвы – 170 человек (возраст от 20 до 70 лет); бакалавры, магистранты, аспиранты, профессорско-преподавательский состав университета, административно-управленческий персонал и научные сотрудники МГПУ – 358 человек (большую часть выборки составили бакалавры и магистранты, т. е. молодые взрослые в возрасте до 25 лет (71% от общего числа респондентов). Для удобства последующего анализа и выявления специфических особенностей в выборке представителей университета выделено две группы: «Администрация, преподаватели, научные сотрудники» и «Студенты» (в данную группу вошли обучающиеся на разных уровнях высшего образования: «Бакалавриат», «Магистратура», «Аспирантура», такое объединение обусловлено небольшим количеством магистрантов и аспирантов, участвовавших в опросе).

Для исследования направлений взаимодействия университета с городскими сообществами была проведена серия фокус-групп с инициативными группами

преподавателей университета МГПУ.

Цель фокус-групп: выявить предикторы вступления в то или иное сообщество (внешнее или внутреннее (университетское)), исследовать «пути выхода» на городские сообщества; определить возможности взаимодействия кампусов университета с сообществами города.

Результаты исследования и их обсуждение

Основные направления деятельности Московского городского педагогического университета в плане реализации «третьей миссии», предполагающей вклад в социальное развитие города, определены в стратегии развития вуза и отражены в проектах для горожан: «Институт – центр образовательного и просветительского притяжения», «Перспективные городские исследования», «Городской хаб дополнительного образования». В структуре МГПУ – 12 учебных институтов, в 9 из них осуществляется подготовка обучающихся на разных уровнях высшего образования (бакалавриат, магистратура и т. д.). Институт естествознания и спортивных технологий (ИЕиСТ), институт цифрового образования (ИЦО) и институт специального образования и психологии (ИСОП) имеют в своем активе несколько учебных корпусов, расположенных в непосредственной близости друг от друга, что позволяет нам говорить о наличии университетских кампусов. Исследование потенциала кампусов учебных институтов университета в удовлетворении потребностей городских сообществ проводилось на базе структурных подразделений вуза (ИЦО, ИЕиСТ, ИСОП). Каждый из указанных институтов имеет конкретный профиль подготовки студентов и деятельности, что может оказаться в фокусе при выстраивании взаимодействия с городскими сообществами.

Несмотря на существующее взаимодействие университета с населением города Москвы, важно определить новые возможности и ресурсы выполнения «третьей миссии» университета.

Обратимся к данным, полученным в ходе опроса.

Внутри исследованной группы только небольшая часть респондентов вовлечена в деятельность различного рода городских сообществ (17% от общего числа ответов). Аналогичная картина наблюдается в ответах на вопрос о взаимодействии с сообществами в качестве представителя университета. По выборке в целом выявлено 15% педагогов и студентов, вовлечённых в деятельность сообществ в связи со своей профессиональной или учебной деятельностью.

Большая часть респондентов являются членами профессиональных сообществ, интернет-сообществ, соседских сообществ и сообществ волонтеров (*Рис. 1*). При этом имеются весьма незначительные расхождения в этих показателях в зависимости от характера вовлеченности в них (как представитель университета). Наблюдается небольшое преобладание участия в сообществе как представителя университета по следующим позициям: профессиональное сообщество, сообщество волонтеров, сообщество ЗОЖ и родительское сообщество. Данное преимущество вполне объяснимо спецификой деятельности в университете.

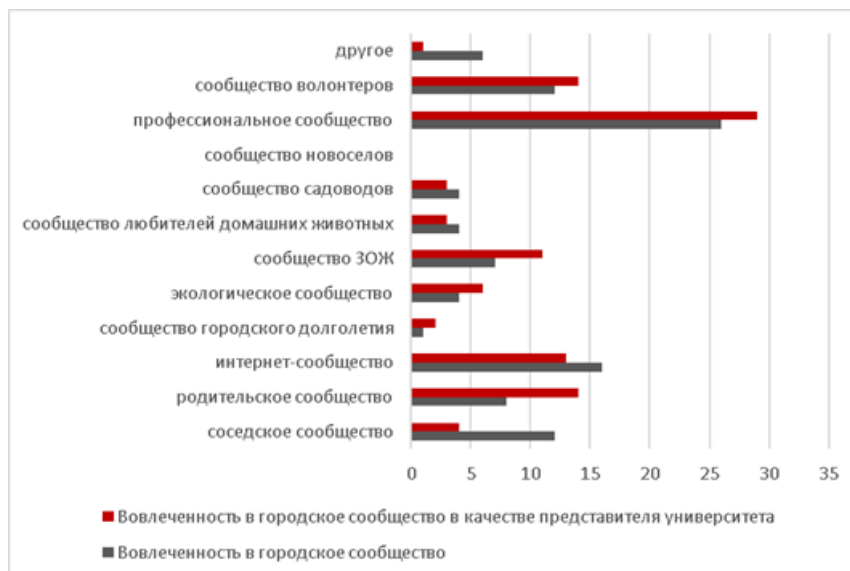

Рис.1. Вовлеченность исследованной выборки в различные городские сообщества (данные по выборке в целом)

В группе «Администрация, преподаватели, научные сотрудники» 38% из опрошенных активно участвуют в деятельности сообществ (в том числе как представители университета). Данные фокус-группового интервью с инициативными группами преподавателей институтов МГПУ показали, что взаимодействие с неформальными городскими сообществами осуществляется с родительскими сообществами (например, консультации и профессиональное сопровождение для родителей, воспитывающих детей с ОВЗ) сопровождение и консультации спортивных сообществ и т. п. В группе «Студенты» 10% респондентов входят в городские сообщества. При этом большинство респондентов из группы «Студенты» не вовлечены в неформальные городские сообщества как представители университета (93% от общего числа ответов респондентов этой группы).

Это может свидетельствовать о низкой вовлеченности данной возрастной группы в городские сообщества и низкой социальной активности. В связи с этим, выстраивая взаимодействие кампусов университета, важно учитывать выявленный факт и использовать различные форматы взаимодействия бакалавров, магистрантов с городскими сообществами. Например, в плане определения содержания практики студентов, когда студенты могут организовывать мастер-классы, лектории по интересующим темам для родительским сообществ, сообществ ЗОЖ и т. п.

Рис. 2. Специфика вовлеченности респондентов групп «Администрация, преподаватели,

научные сотрудники» и «Студенты» в городские сообщества

Как видно из Рисунка 2, в выделенных группах вовлеченность в определенные типы сообществ во многом обусловлена возрастом и спецификой деятельности. Так, в группе «Администрация, преподаватели, научные сотрудники» большинство респондентов являются членами профессиональных сообществ (34% от общего числа ответов). Неформальные профессиональные сообщества объединяют специалистов, которые готовы делиться своими идеями и опытом. Обмен опытом и практиками становится мощным импульсом для создания новых совместных проектов и инициатив в сообществе профессионалов, которые поддерживают друг друга, мотивируют к дальнейшей деятельности, что становится особенно важно в «турбулентные» времена и является профилактикой профессионального выгорания. Привлекательность таких неформальных профессиональных сообществ для большинства их участников состоит в превалировании «горизонтальных связей», когда сами участники определяют значимые цели и задачи. Неформальные профессиональные сообщества становятся новой формой взаимообучения. В сообществе такого типа происходит интеграция неформального запроса и их собственной активности участников сообщества при акцентировании внимания на решении конкретных проблем [19, 20]. Профессиональные обучающиеся сообщества могут объединять специалистов и преподавателей разных институтов МГПУ, интересующихся сходными вопросами. Таким образом, формируется неформальное профессиональное обучающееся сообщество внутри университета. Алгоритм и механизмы создания профессиональных обучающихся сообществ содержательно представлен в работах Л.В. Бычковой, И.А. Виноградовой, Е.В. Ивановой, А.Н. Иоффе, В.К. Марковой [21].

Среди молодых взрослых предпочтительнее вхождение в сообщество волонтеров и различные интернет-сообщества (26% и 25% от общего числа ответов соответственно) (Рис. 3). Нужно отметить, что привлекательность волонтерских сообществ среди бакалавров может быть связана с целенаправленной деятельностью университета по вовлечению студентов в различные проекты подобной направленности (сопровождение людей с ОВЗ и других категорий в музеях, на массовых мероприятиях; волонтерская работа студентов по запросу организаций во время практики и летник каникул (например, в центрах социальной помощи семье и детям)).

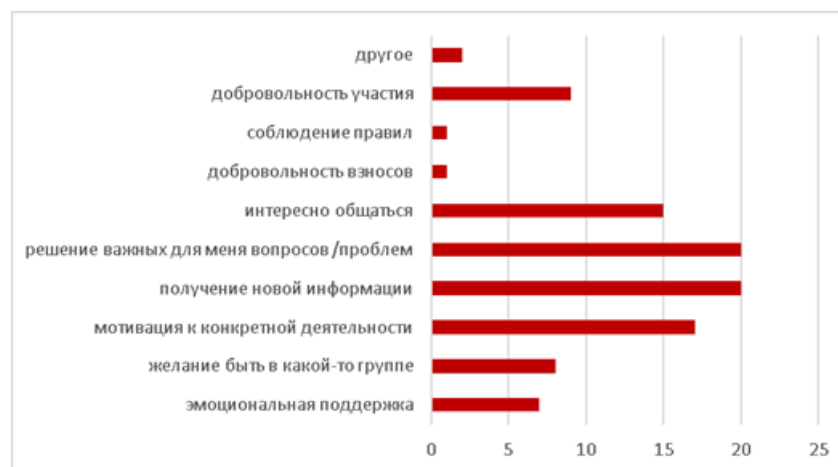

Рис. 3. Причины вступления в сообщество

Основными причинами вовлеченности в деятельность сообществ в исследованной группе являются: когнитивные (получение новой информации – 20%), поведенческие (решение важных для меня вопросов – 20%); диспозиционные (мотивация к конкретной

деятельности – 17%), коммуникативные (интересно общаться – 15%).

По мнению педагогов и студентов, ресурсы МГПУ могут быть полезны сообществам, в которые они вовлечены (75% от общего числа опрошенных). Зная ресурсы университета, участники опроса считают, что университет может реализовывать образовательные программы различной направленности для разных возрастных категорий горожан, что соответствует специфике вуза (Рис. 4). Данная тенденция ярко прослеживалась в ходе серии мозговых штурмов, организованных с участием преподавателей ИЦО, ИСОП и ИЕиСТ. Большинство участников встреч поддерживает именно это направление взаимодействия с городскими сообществами, при этом важным является понимание использования интерактивных форматов взаимодействия (мастер-классы, интерактивные краткосрочные образовательные программы) с учетом актуальных потребностей и запросов горожан. Данная закономерность четко прослеживается при сопоставлении данных, полученных от представителей городских сообществ (Рис. 4). Основные запросы сфокусированы в предоставлении образовательных, инфраструктурных и консультационных ресурсов со стороны университета.

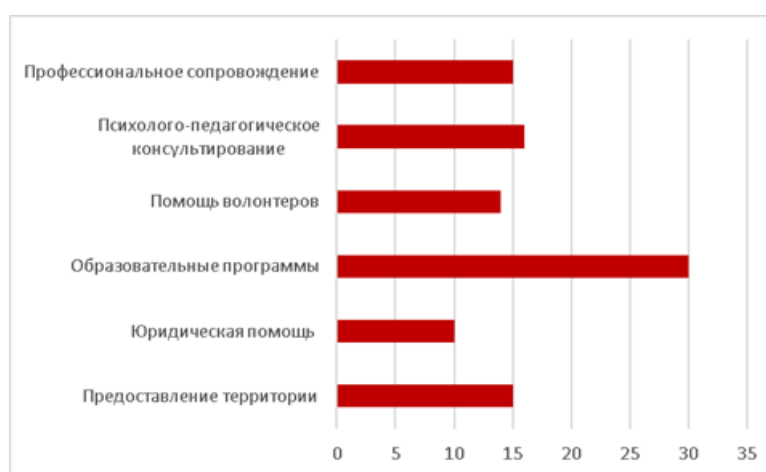

Рис. 4. Запросы городских сообществ относительно взаимодействия с университетом

При этом участники встреч и исследования подчеркивают необходимость «изживания» стереотипного представления у горожан об ограниченном круге образовательных курсов для педагогов и учащихся, которые могут предложить преподаватели и студенты МГПУ. В качестве образовательных предложений можно упомянуть курсы по функциональной грамотности для горожан разных возрастных групп, «soft skills», театрального мастерства и т. п.

При организации образовательных курсов важно учитывать запросы современных слушателей: приоритизация краткосрочных курсов небольшой трудоемкости, смещение фокуса на кроссконтекстные и экзистенциальные навыки, применяемые на протяжении всей жизни в различных жизненных контекстах (навыки работы в команде, тайм-менеджмент, способность ставить цели и достигать их и т. п.) [\[22\]](#).

Профессиональное сопровождение и помощь волонтеров (в данном контексте предполагается активное участие студентов) так же, по мнению исследованной группы, будут актуальны для неформальных сообществ горожан. В вопросах профессионального сопровождения преподаватели вуза выходят за пределы города Москвы и активно взаимодействуют с различными организациями и сообществами, находящимися в России и за ее пределами.

Указывались варианты взаимовыгодного взаимодействия: не только университет

предоставляет ресурсы, но городское сообщество. Такой взаимный обмен приводит к укреплению связей с сообществом и несколько снимает риски, высказываемые педагогами, дополнительной нагрузки преподавателей и студентов при организации и проведении событий для горожан.

При этом следует планировать и выстраивать системное, а не разовое, ситуативное взаимодействие.

В качестве варианта взаимодействия с городскими сообществами можно рассматривать создание на базе университетов инновационной диалоговой площадки для специалистов различных профессий (математиков, дефектологов, психологов, юристов и т. п.) в стиле Talks для обмена профессиональным опытом, знаниями и полезными технологиями. Данная площадка – открытая группа для интересующихся определенной тематикой.

Указанные направления согласуются с предложениями, которые генерировали преподаватели в процессе фокус-группового интервью и мозговых штурмов.

С целью выявления перспектив взаимодействия кампусов университета с городскими сообществами и поиском эффективных форматов взаимодействия университета с городскими сообществами была проведена серия фокус-групповых интервью с элементами мозгового штурма с инициативными группами преподавателей отдельных институтов университета. Общая продолжительность фокус-групп – 1,5 часа.

Основные вопросы обсуждений на фокус-группах: Какие существуют потребности и дефициты у городских сообществ в локации института? Может ли Университет их удовлетворить в рамках инфраструктуры кампусов? Какова роль университета в развитии и /или поддержке сообществ горожан? Каковы возможности взаимодействия кампусов университета с сообществами города?

Обобщая высказывания участников фокус-группы, взаимодействие института с городом можно представить как комплекс кластеров:

образовательный. В рамках данного кластера реализуется ряд мероприятий: лекторий центра публичной науки; олимпиады для учащихся по биологии, географии, по основам адаптивной физической культуре, основам физического воспитания; центр изучения географии для школьников; дополнительные образовательные программы для студентов, преподавателей и горожан разных возрастных групп («Технология проведения кинезиологического тейпирования», «Оздоровительный массаж», «Нутрициология: физиология оптимального пищеварения» и т. п.). Активно развивается взаимодействие студентов с учащимися образовательных организаций в рамках социокультурной практики. Например, проект «Просто о важном», в рамках которого студенты проводят мастер-классы, встречи по направлениям: «Лайфхаки о ЕГЭ», «Физика в повседневной жизни», «Профессии будущего». Данный формат работы способствует расширению представлений о направлениях подготовки в вузе, позволяет преодолеть сформировавшийся стереотип о том, что в университете осуществляется в направлении подготовки специалистов, работающих в школе (IT-специалисты, методисты образовательных курсов и т. п.);

исследовательский. Основная деятельность сотрудников в рамках данного направления – исследование физических возможностей человека и комплексное научно-методическое сопровождение спортивных сообществ сотрудниками лаборатории возможностей человека института естествознания и спортивных технологий МГПУ. На основе полученных данных составляется научно обоснованная программа

тренировочного процесса, направленная на улучшение состояния здоровья и спортивных результатов. Основной дефицит развития данного кластера заключается в том, каким образом это направление сделать системным, а не разовым, каким образом выходить на горожан и неформальные спортивные сообщества, каким образом разработать конкретное «продуктовое» решение для горожан;

консультационный – квалифицированные специалисты университета оказывают консультационную помощь жителям разных возрастных групп по вопросам обучения и развития детей и взрослых, в том числе в области логопедии и дефектологии;

имиджево-досуговый. В рамках данного кластера университет предлагает площадки для проведения досуговых городских мероприятий, встреч горожан, проживающих на близлежащих территориях. Фонд многофункциональных спортивных, актовых залов, библиотек используется для проведения различного рода событий;

спортивный. Работа в данном кластере реализуется через ряд спортивных секций, функционирующих в университетах. Это секции для занятий баскетболом, бадминтоном, волейболом, гандболом, плаванием, единоборствами, триатлоном, фитнес-аэробикой и т. д.;

волонтерский. Волонтерская работа студентов и преподавателей по запросу организаций (например, центры социальной помощи семье и детям) и обмен опытом с вожатскими и волонтерскими организациями (проект «Разговорный клуб»);

Дополнительными форматами взаимодействия с городскими сообществами могут стать:

- кружковая деятельность для детей и горожан других возрастных групп, проживающих в непосредственной близости от кампусов университета. При организации онлайн курсов может быть расширена аудитория горожан, интересующаяся различными предметными областями знания;
- летние смены для детей, группа выходного дня, организуемые в рамках практики студентов;
- мастер-классы для горожан. Представители городских сообществ совместно с преподавателями и студентами разрабатывают план и содержание мероприятий;
- составление электронных каталогов различной направленности для горожан, где они смогут воспользоваться достоверной, проверенной информацией;
- участие педагогов и студентов в проектах города.

В качестве целевой аудитории данных кластеров могут быть родительские сообщества, спортивные сообщества и сообщества ЗОЖ, добрососедские, эконосообщества, сообщества пенсионеров, ветеранов, сообщества легкой социальности.

Несмотря на существующие варианты взаимодействия с сообществами, требуют дальнейшей проработки вопросы:

1. Тематика мероприятий и ее востребованность со стороны городских сообществ, исследование запроса. Актуальные вопросы в данном аспекте: Как выбрать интересующую тематику? Каков актуальный запрос горожан? Как обеспечить информирование сообществ? С этой целью было принято решение о проведении опроса местных неформальных сообществ через Управу района Ивановское.

2. Форматы и условия, необходимые для притяжения горожан. Большую роль для привлечения горожан имеет организация образовательных событий на площадках университетов. Например, акция «Географический диктант», конкурс для школьников «Московский мегаполис: география, экология, краеведение и туризм», «Фестиваль науки» и т. п.
3. Кадровые вопросы (смогут ли сотрудники Университета выступать лекторами, привлекательными для сообщества?).
4. Обеспечение беспрепятственного доступа на территорию кампуса, регламент прохода (возможно использование QR-кодов).
- 5 . Разработка конкретного «продуктового» решения для горожан и «грамотно выстроенная» пиар-компания о возможных предложениях и продуктах института.
- 6 . Выход на муниципалитеты и заинтересованные организации с целью выяснения запроса от горожан; непосредственный выход на городские сообщества и формулировка конкретного запроса к институту.
- 7 . Юридическая поддержка и консультации об организации и осуществлении образовательных услуг для детей и горожан разного возраста на территории университета; проработка нормативных и юридических аспектов предоставления инфраструктуры университета городским сообществам; изучение опыта университетов, которые уже реализуют эту практику.
- 8 . Тщательно продумать вопросы привлечения преподавателей и студентов к взаимодействию с городскими сообществами (Как это будет отражаться или включаться в основную нагрузку преподавателей? Как привлекать студентов на волонтерской основе?); определить перечень услуг через аутсорсинг временного персонала, т. к. существует риск расширения функционала преподавателей дополнительно к существующей нагрузке.
- 9 . Проработать финансовую сторону взаимодействия с городскими сообществами (Как будет проводиться оплата образовательных курсов и программ?); продумать возможность оказания услуг на возмездной основе через малые инновационные предприятия (МИП), через автономные некоммерческие организации (АНО). Основными барьерами функционирования МИП при вузах чаще всего являются неэффективность или отсутствие маркетинга технологий и компетенций, поиска заказчиков; неактивный поиск решений по использованию и коммерциализации продуктовых решений вуза; слабое взаимодействие между институтами университета и подразделениями, занимающимися маркетингом и коммерциализацией. Минимизация указанных рисков возможна при формировании экосистемы вуза, тесного взаимодействия структурных подразделений вуза, в том числе с регулирующими финансовыми и маркетинговыми вопросами [\[23\]](#).
- 10 . Нормативно урегулировать вопросы вовлечения студентов в образовательные программы для населения.
11. Все вопросы взаимодействия с городскими сообществами необходимо решать после тщательного изучения запросов со стороны городских сообществ и исследования востребованности предлагаемых услуг.

Заключение

Подводя итоги исследования потенциала кампусов учебных институтов университета в

удовлетворении потребностей городских сообществ можно выделить основные направления взаимодействия с городскими сообществами:

1) образовательное:

консультирование и сопровождение горожан разного возраста по вопросам обучения и развития детей и взрослых, в том числе с особенностями развития, по вопросам физического развития и распределения спортивной нагрузки, консультации юридического характера. В целом, консультации могут охватывать широкий круг вопросов, так как значимым преимуществом многих многопрофильных университетов является наличие широкого круга специалистов из различных областей (педагогов, психологов, медицинских работников, юристов, дефектологов и т. п.);

– курсы, клубы, вебинарные программы, кружки для детей и взрослых, лекции;

– популяризация тем по запросам неформальных городских сообществ;

– присмотр и уход: пребывание выходного дня, вечернее пребывание, летние смены, няня на час;

2) диагностическое: диагностика особенностей когнитивного, личностного и психофизического развития детей, взрослых;

3) исследовательское: организация и проведение исследований по запросам городских сообществ, что соответствует основным направлениям деятельности научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования, входящего в структуру МГПУ;

4) волонтерское: сопровождение на объектах социальной инфраструктуры, сопровождение участников различного рода городских мероприятий;

5) спортивно-оздоровительное. Работа в данном кластере реализуется через ряд спортивных секций, функционирующих в университетах;

6) инфраструктурное: библиотека, актовые и спортивные залы, коворкинги, учебные кабинеты, приуниверситетская территория и т. д.;

7) культурно-досуговое: организация, сопровождение и участие в городских проектах (совместные с городом образовательные события, мероприятия, связанные с жизнью района);

8) экспертное – анализ значимых проблем для сообществ и поиск путей их решения; комментарии и мнения по актуальным темам, участие в комиссиях, общественных советах;

9) развитие инфраструктуры города: формирование городского пространства (инклюзивные площадки, игровые и спортивные площадки, среда, комфортная для горожан и т. п.)

Важный ресурс университета – это привлечение студентов к взаимодействию с городскими сообществами в рамках социокультурной практики, через исследования и проекты студентов, выполняемые при написании курсовых и ВКР; деятельность студентов в летний период; участие в городских проектах с последующим трудоустройством студентов.

При выстраивании взаимодействия университета с городскими сообществами важно

учитывать:

- 1) нормативные и юридические аспекты предоставления инфраструктуры университета городским сообществ, что требует изучения существующего опыта;
- 2) нормативно-правовые вопросы привлечения преподавателей и студентов к взаимодействию с городскими сообществами и реализации образовательных программ для горожан разного возраста;
- 3) финансовую сторону взаимодействия с городскими сообществами;
- 4) взаимодействие с городскими сообществами необходимо выстраивать после тщательного изучения запросов со стороны городских сообществ и исследования востребованности предлагаемых услуг;
- 5) психологические и организационные стороны взаимодействия с городскими сообществами. Выстраивая взаимодействие с неформальными городскими сообществами важно понимать и принимать идею, объединяющую участников; обеспечивать сплочение и эмоциональный контакт в сообществе и с ним; разделять идею неприемлемости давления и вертикального взаимодействия с сообществом, основная тактика «от запросов и потребностей сообщества», так как сообщество – это не только компетенции (новая информация), это единство и автономия;
- 6) выстраивание гибридных связей, благодаря которым университет и город обмениваются имеющимися ресурсами. Совместные активности, проекты и исследования, в которых активны и модераторы процесса (сотрудники университета), и участники городских сообществ, обе стороны инициативны и проявляют взаимную ответственность, когда горожане не только потребители, но и партнеры. Данная тактика позволяет постепенно переходить от уровней пассивного участия членов городских сообществ (консультирование, образовательные программы, которые реализуют для городских сообществ сотрудники и студенты университета) к уровню партнерства (инициируют взаимодействие, участвуют в реализации части программ и т. п.);
- 7) к инструментам развития взаимодействия с неформальными городскими сообществами можно отнести самопрезентацию (организация одного или нескольких мероприятий для знакомства участников сообщества с деятельностью университета и интересами). С этой целью важно грамотно представить основные направления деятельности структурных подразделений МГПУ с использованием различных ресурсов (лендинговая страница; представление на значимых конференциях и мероприятиях; представление в управах района и муниципалитетах города Москвы, запись подкастов и т.п.); карта участника, что предполагает знакомство и понимание потребностей потенциальной целевой аудитории (в нашем случае определенного типа сообщества. Понимание истинных потребностей и запросов сообществ позволяет грамотно выстроить дальнейшую стратегию взаимодействия с ним; карта ресурсов – данные об образовательных, инфраструктурных, когнитивных ресурсах МГПУ, что может быть полезно для городских сообществ;
- 8) важным аспектом взаимодействия с городскими сообществами может стать выход на муниципалитеты и управы района с конкретными предложениями и продуктами; образовательные и иные организации, работающие с населением и заинтересованные в ресурсах университета (центры занятости населения; центры поддержки семьи и детства); родительские сообщества, неформальные профессиональные сообщества.

Библиография

1. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019. 144 с.
2. Кудряшова Е.В., Сорокин С.Э. «Третья миссия» университетов как предмет научного анализа // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 17–24 DOI: 10.25730/VSU.7606.20.020
3. Compagnucci L., Spigarelli F. The Third Mission of the university: A systematic literature review on potentials and constraints // Technological Forecasting and Social Change. 2020. No 161. P.120–284. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120284>
4. Штыхно Д.А., Константинова Л.В., Гагиев Н.Н., Смирнова Е.А., Никонова О.Д. Трансформация моделей университетов: анализ стратегий развития вузов мира // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 6. С. 27–47. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-27-47
5. Мальковец Н.В. Третья функция университета: потребность или обязанность // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 3. С. 177–184. DOI: 10.14258/ssi(2019)3-6282
6. Di Berardino D., Corsi C. A quality evaluation approach to disclosing third mission activities and intellectual capital in Italian universities // Journal of Intellectual Capital. 2018. № 19 (1). P. 178–201. DOI: 10.1108/JIC-02-2017-0042
7. Университетский город: архитектура смыслов: сборник статей / под ред. А. И. Щербинина, А. Н. Расходчикова. М. –Томск (и др.): ВЦИОМ, Издательский Дом Томского государственного университета (и др.), 2021. 152 с.
8. Maassen P. et al. The place of universities in society: characteristics, changes, and challenges // The Place of Universities in Society. 2019. № 2(36). P. 104–114
9. Смирнов В.А., Фадеева Л.А., Пунина К.А., Голубев С.В. Университет и региональные (городские) сообщества: модели сосуществования и управленческие механизмы интеграции (российский и европейский опыт) // ARS Administrandi. Искусство управления. 2013. № 4. С. 103–116.
10. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие: тезисы доклада / под ред. Я.И. Кузьмина, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Якобсона. М.: НИУ ВШЭ, 2018. 63 с.
11. Емельянова И.Н., Волосникова Л.М. Функции современных университетов: Сравнительный анализ миссий отечественных и зарубежных вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 1. С. 83–92. DOI: <https://doi.org/10.15826/umpra.2018.01.008>
12. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
13. Коршунов Г.В., Ведерникова И.О., Дубиковский С.Ю. Университет в среде небольшого города: флюиды кампусного уклада // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 2. С. 134–143. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-2-134-143>
14. Сулимов К.А., Борисова Н.В., Бородина Л.С. Стратегические ориентиры и миссии современных университетов в зеркале их организационной структуры // Власть. 2016. № 11. С. 60–66.
15. Пучков М.В. Университетский кампус: взаимосвязи образовательных технологий и моделей формирования архитектурного пространства // Университетское управление: практика и анализ. 2021. Т. 25, № 4. С. 109–119. DOI: 10.15826/umpra.2021.04.039
16. Асонова Е.А., Метелкина Ю.С., Сененко О.В. Локальные сообщества и городские

- организации: поле коммуникации // Городской университет в пространстве мегаполиса: коммуникационный аспект: Монография / Под ред. С.Н. Вачковой. М.: Экон-информ. 2018. С. 83–96.
17. Анисимов Н.О. Городское сообщество в теориях и представлениях горожан // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2019. Т. 44. № 44. С. 714–721. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-4-714-721
 18. Захаров В.М., Быхтин О.В., Юркова О.Н. Обоснование системы показателей, позволяющих диагностировать состояние консолидации городских сообществ в России // Власть. 2021. № 6. С. 193–199. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8714>
 19. Сенге П. Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 496 с.
 20. DuFour R., Eaker R.E. Professional learning communities at work. Best practices for enhancing student achievement. Alexandria, Virginia, 1998. 351 p.
 21. Виноградова И.А. Маркова В.К., Иванова Е.В., Иоффе А.Н., Бычкова Л.В. Создание и сопровождение обучающихся сообществ педагогов в школе: Методические рекомендации. М.: ИД «Методист», 2022. – 44 с.
 22. Смылова С. Проектирование образовательного опыта. М.: School of Education, 2022. – 352 с.
 23. Сухинов А.И., Угнич Е.А. Малые инновационные предприятия при университетах: барьеры и возможности развития. Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 4. С.98–105. DOI: 10.15826/umpra.2017.04.053

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Затронутая в статье проблема, бесспорно, является актуальной и значимой для междисциплинарных исследований. Основной тренд исследования – социальные функции университетов в контексте взаимодействия с различными структурами. Более того, автор обращает внимание на вопрос «третьей миссии» университета, что ведет к обсуждению также особенностей мировой практики вузовского образования. Собственно, именно с этого экскурса и начинается представленная статья – автор в ней апеллирует к опыту обсуждения функций высшего образования и при этом акцент делает на значимости т.н. «третьей миссии» – расширении социальной функции вуза. В действительности, этот вопрос давно стал предметом для дискуссий различного уровня, и в этой связи у автора появляется возможность дать оценку состоявшемуся на этот счет научному дискурсу, который, к слову сказать, продолжает пополняться новыми подходами и результатами исследований. Приводимые в статье ссылки на источник убедительно показывают, что автор глубоко понимает рассматриваемый вопрос, ориентируется в наиболее существенных аспектах обозначенной проблематики и т.д. Кроме того, в статье делаются некоторые обобщения, которые позволяют обосновать адекватность выбора соответствующей методологии работы.

Представляет интерес концепция «академической деревни», затронутая в статье. Приводится ряд современных российских университетов, которые выстраивают свою социальную жизнь по этому принципу и тем самым расширяют свой социальный функционал. Хочется подчеркнуть, что автором применяется проектный подход, дающий возможность оценить суть проектирования университетского кампуса и одновременно

установить его связь с городским пространством (городскими сообществами). Исследуя этот момент, автор также сравнивает опыт построения такого проекта на уровне как отечественных вузов, так и зарубежных. Собранный материал, а точнее приводимые примеры иллюстрируют широту использования проекта университетского кампуса, с одной стороны, и одновременно подчеркивают роль вуза в консолидации городских сообществ – автор не уделил внимание этому аспекту проблемы, между тем это и не являлось целью работы, хотя существенно обогатило бы в целом материал статьи.

Поставленная автором цель работы «выявить потенциальные потребности городских сообществ и характер вовлеченности студентов, преподавателей и административно-управленческого состава в деятельность городских сообществ и возможности взаимодействия кампусов университета с сообществами города» вполне реализована в представленном материале. Как я полагаю, автор прибегнул к рациональной методологии исследования и в то же время определил ключевые доминанты, позволяющие приблизиться к достижению поставленной цели. Так, были выявлены самостоятельные «кластеры» инструментов (инструментарий), которые в целом дают достаточно полную картину о «третьей миссии» университета – в числе таких показателей, например, названы коммуникативные, праксеологические, инфраструктурные и другие. На мой взгляд, можно было бы более предметно остановиться на каком-либо одном из приведенных показателей, но, с другой стороны, автор нашел точки их сопряженности, поэтому дизайн исследования не выглядит громоздким или же гипертрофированным.

Что касается результатов исследования и их обсуждения, то в этой части работы автор сосредоточил свое внимание прежде всего на оценивании основных направлений деятельности Московского городского педагогического университета в плане реализации «третьей миссии». Полагаю, что на примере одного вуза вряд ли можно установить типичные аспекты «третьей миссии», но в любом случае опыт конкретного университета все же становится более показательным, и на самом деле на его примере можно выявить существенные аспекты «социальности» университетской жизни.

Что примечательного содержится в обобщениях автора? Прежде всего отмечу четкое следование логике научного поиска: автор ставит ключевые исследовательские вопросы и дает развернутые ответы на них. В частности, например, проводится корреляция между активностью членов городских сообществ и повышением значимости и "проектности" «третьей миссии» университета. Кроме того, автор склонен полагать, что не все социальные группы проявляют одинаковую активность как в городской среде, так и на уровне в целом социальной активности и т.д. С этим можно согласиться, тем более приведенные рисунки красноречиво эти формы поведения и взаимодействия раскрывают. В целом автор представил состоятельный материал, содержащий проработку проблемы, а полученные результаты обладают эвристической ценностью.

Социодинамика

Правильная ссылка на статью:

Канныкин С.В. — Социокультурные факторы появления и деятельности клубов любителей бега в СССР // Социодинамика. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.2.39709 EDN: HLZBJR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39709

Социокультурные факторы появления и деятельности клубов любителей бега в СССР

Канныкин Станислав Владимирович

кандидат философских наук

доцент, кафедра гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) НИТУ "МСиС"

309516, Россия, Белгородская область, г. Старый Оскол, микр. Макаренко, 42

✉ stvk2007@yandex.ru

[Статья из рубрики "Общественные организации и движения"](#)

DOI:

10.25136/2409-7144.2023.2.39709

EDN:

HLZBJR

Дата направления статьи в редакцию:

02-02-2023

Аннотация: Предметом исследования являются социокультурные детерминанты генезиса и функционирования клубов любителей бега (КЛБ) СССР периода 1968-1991 гг. Задачи работы: определение предпосылок появления бегового клубного движения в СССР; раскрытие существенных особенностей КЛБ как инициативных клубов самоорганизации бегунов-любителей; выявление внешних и внутренних функций беговых клубов. Источниковой базой исследования послужили как научные публикации, так и представленные в Интернете воспоминания организаторов и первых участников деятельности КЛБ в СССР. Методологической основой работы является философски ориентированный социокультурный подход, в рамках которого производится исследование сложных отношений социального и культурного в ареале возникновения, функционирования и влияния на советское общество деятельности клубов любителей бега, а также методологический прием конструирования генетического «идеального типа» М. Вебера. Основные предпосылки появления КЛБ усматриваются в традициях досуговых беговых практик дореволюционной России; советском комплексе ГТО; развитии физкультурно-спортивных общественных организаций; проблемах, порожденных НТР; воздействии западной беговой культуры. В ракурсе определения существенных особенностей, КЛБ рассматриваются как инициативные досуговые клубы,

ориентированные на обеспечение максимальной эффективности использования бега для достижения лечебных, оздоравливающих и личностносозидающих целей своих участников. Миссией КЛБ было совершенствование человека и общества посредством беговых практик, утверждение на их основе непреходящих гуманистических ценностей: здоровья, калокагии, социальной активности, саморазвития. Новаторством КЛБ в функциональном аспекте было развитие сверхмарафонского бега в СССР, массовое привлечение к беговой активности женщин, разработка методик оздоровительного бега для различных групп населения, культивирование ветеранского бегового любительского спорта, объединение беговых и художественных практик в рамках зрелищных мероприятий.

Ключевые слова:

клубы любителей бега, физическая культура, Советский Союз, научно-техническая революция, сверхмарафон, лечебный бег, оздоравливающий бег, развитие личности, общественные организации, досуг

В последнее время современное российское общество столкнулось с острыми проблемами, касающимися здоровьесбережения широких масс. Во-первых, это связано с коронавирусной пандемией и присущим многим переболевшим тяжелым постковидным синдромом. Во-вторых – детерминированным политическими и экономическими процессами ростом тревожности населения, из-за чего, по данным многочисленных СМИ, значительно выросли (по сравнению с предыдущими годами) продажи лекарственных средств от депрессии. Никуда не делись и «традиционные» проблемы со здоровьем, обуславливающие высокий по мировым стандартам уровень смертности россиян, в первую очередь от заболеваний сердца и сосудов. Известно, что одним из самых эффективных средств предупреждения и преодоления многих соматических и психических недугов является оптимально подобранная физическая активность, из множества форм которой наиболее доступны и универсальны по положительному влиянию на организм ходьба и бег. При этом энергозатраты при беговой локомоции в три-пять раз больше, чем у обычной ходьбы [8, с.7], «бег дает наибольший физиологический эффект в единицу времени» [16, с. 22]. Действительно, щадящие беговые практики позволяют быстрее восстановить иммунитет после перенесенных заболеваний, укрепляют сосуды и сердце, оптимизируют состояние дыхательной системы, повышают психический тонус, дарят чувство оптимизма и радости жизни. Важно отметить и личностносозидающий потенциал занятий бегом, связанный с развитием воли, выносливости, укреплением веры в себя, стремлением к достижению все более и более высоких целей. Вот как об этом пишет Харуки Мураками – всемирно известный японский писатель, многие годы увлекающийся бегом: «Над бегунами часто посмеиваются, мол, эти на многое готовы, лишь бы жить подольше, но я думаю, что большинство людей бегают вовсе не поэтому. Им важно не продлить свою жизнь, а улучшить ее качество» [17, с. 40]. Такого же мнения и Л. Марков: «Ставя перед собой задачи, преодолевая дистанцию, человек отвлеченно моделирует жизнь. Он получает удовлетворение от того, что может систематически что-то выполнять. Человек ищет в себе остатки характера и создает свой характер заново. В чем-то другом это доказать сложно, а бег позволяет проверять себя в любое время и любую погоду. И это очень важно!» [«А вы любите бег?» статья из книги Л. Маркова. URL: http://www.cnopm.ru/athletics/running/1984/february/do_you_like_running_article_from_book

(дата обращения: 25.01.2023)].

В современной России организованные коллективные и индивидуальные беговые занятия предлагают беговые школы и фитнес-клубы. Существенными ограничителями их деятельности в национальном масштабе являются коммерческая (маркетинговая) направленность (ориентация членов клуба на определенного производителя беговой экипировки и аксессуаров) и концентрация в крупных городах, в некоторые из клубов можно попасть только по приглашению, часть из них ориентирована на конкретные целевые аудитории и забеги. Это приводит к тому, что «...даже среди людей, живущих вблизи крупного лесного массива в Измайлове, оздоровительным лечебным бегом (в разное время года) в возрасте 40-50 лет и старше занимаются 8-10 из 1500 человек, то есть всего лишь 0,5-0,8% жителей. И это несмотря на то, что в России созданы тысячи центров, клубов любителей бега» [21].

В этой связи актуальным является обращение к истории бегового клубного движения в СССР, во многом благодаря которому систематически бегали миллионы людей разных возрастов и социального статуса: «по статистическим данным, каждый третий советский человек, самостоятельно занимающийся физкультурой, увлекается бегом. Вероятно, примерно столько же людей разного возраста, занимающихся бегом, организовано во всевозможных секциях, группах здоровья, клубах. В масштабе такой страны, как Советский Союз, это многие миллионы, а может быть, и десятки миллионов людей» [18, с. 6]. Клубы любителей бега (КЛБ) в Советском Союзе начали появляться первоначально как самодеятельные организации в конце 60-х гг. XX века, постепенно превращаясь в массовые общественные организации (официальное членство, взносы, уставы, централизация управления и пр.) в 70-е годы XX века. Из них реально действующих и существующих на протяжении нескольких лет было не менее 350-400 [Шишкин А. Любители для клубов. URL: <https://www.sport-express.ru/running/reviews/828590/> (дата обращения: 13.12. 2022)], хотя «на бумаге», например в 1982 году, КЛБ было более 2000 [3, с. 3]. К сожалению, опыт работы КЛБ явно недостаточно исследован современным российским научным сообществом. Достаточно сказать, что в электронных библиотеках диссертаций нами не обнаружено ни одной работы, предметом исследования которых была бы деятельность КЛБ, а немногочисленные статьи [например, 3, 11, 14, 15, 19, 20, 22, 23], освещающая в основном тему клубного бега «по касательной», не позволяют составить целостного представления о феномене советского бегового клуба, что, конечно же, является серьезным препятствием распространения опыта организации лечебного и оздоровительного бега в рамках КЛБ. Указанными обстоятельствами определяется *актуальность данной статьи*, в ходе подготовки которой были поставлены следующие задачи: определение предпосылок появления бегового клубного движения в СССР; раскрытие существенных особенностей КЛБ как инициативных клубов самоорганизации бегунов-любителей; выявление внешних и внутренних функций беговых клубов. Источниковой базой работы являются как научные публикации, так и представленные в Интернете воспоминания организаторов и первых участников деятельности КЛБ в СССР. Методологической основой исследования является философски ориентированный социокультурный подход, в рамках которого производится исследование сложных отношений социального и культурного в ареале возникновения, функционирования и влияния на советское общество деятельности клубов любителей бега.

Предпосылки появления бегового клубного движения в СССР

Беговая активность народов, населявших территорию Советского Союза, имеет давнюю

историю. Беговые состязания и игры были частью народной культуры, применяясь не только для развлечения и физической подготовки, но и (в рамках мифологического мировоззрения) в ритуальных целях. Начиная с XVII в. отмечается прикладное использование беговых практик в военном деле (преимущественно для подготовки нижних чинов пехоты), во второй половине XIX века бег становится значимым элементом отечественных педагогических концепций физического воспитания (П. Ф. Лесгафт, А. Д. Бутовский, А. А. Покровский и др.), а в конце XIX века в России появляется первый беговой клуб – Тярлевский кружок, названный по месту образования – дачному поселку Тярлево, расположенному примерно в 30 км от Санкт-Петербурга. Именно там отдыхающие летом молодые люди начали состязаться в спортивном беге – с хронометражем, правилами и вымеренными дистанциями. Для них бег не был средством оздоровления, они рассматривали его как интересное, азартное и модное на Западе времяпрепровождение, которому хотелось подражать. Это была форма досуга, тярлевцы организовывали ее по своему усмотрению и за свой счет. Данное увлечение было настолько сильным, что позже для некоторых участников кружка бег и спортивная деятельность вообще станут главным делом жизни, они много сделают для развития атлетического клубного движения и бегового спорта в Российской Империи. «В конце XIX – начале XX в. спорт прочно входит в жизнь армии. Представители военного ведомства приглашаются для участия в международных соревнованиях по стрельбе, конному спорту, фехтованию, гимнастике, легкой атлетике. <...> В годы Первой мировой войны были созданы военно-спортивные клубы» [\[10, с. 16\]](#). С. И. Шошина определяет дореволюционные клубы на основе четырех опорных понятий: «добровольное объединение людей, общественное объединение (в значении «собрание»), собирающихся в определенном месте (в значении «здание»), функционирующее путём внесения членских взносов (в значении «складчина»), связанные определенной общностью и отличающиеся от окружающей его социальной среды (в значении «самость»)» [\[25, с. 170\]](#).

После революции 1917 года популяризации беговых занятий, помимо введенной в 1926 г. в общеобразовательных школах повышенного типа физической культуры, способствовал утвержденный в 1931 году комплекс «Готов к труду и обороне СССР», на значке которого был изображен бегун, преодолевающий финишную ленту, а сам комплекс включал в себя, помимо прочего, спринтерский бег, кросс, марш-бросок, длительный «легкий бег» и смешанное передвижение (ходьба-бег). Благодаря этому комплексу начали систематически бегать миллионы советских граждан, в первую очередь – молодежь, в среде которой было престижно иметь значок ГТО. В довоенный период в СССР бег был сферой проявления женской эмансипации (например, соревнования бегуний в шести видах на I первенстве РСФСР по легкой атлетике в 1922 г.) и равноправия (смешанные эстафеты), частью культурного строительства (организованные беговые занятия и состязания способствовали развитию гигиены, формированию представлений о рациональном питании и дисциплине), являлся средством пропаганды достижений советского строя (уникальные для мирового физкультурного движения того времени массовые кроссы, агитационные пробеги, а также национальные спортивные рекорды мирового уровня). В послевоенное время советское государство начинает уделять повышенное внимание оздоровлению и физическому развитию широких народных масс, которым предстояло решение сложнейших задач, связанных с построением коммунистического общества: «В советское время КПСС ставила перед народом разные цели и задачи, среди которых были как выращивание физически и морально здоровых детей, так и перевоспитание тех взрослых, которые не привыкли следить за своим здоровьем. Мало кому нужно было

долго объяснять, что здоровый человеческий капитал – это перспективное настоящее и надёжное будущее огромной страны» [9, с. 48]. Для наибольшего вовлечения населения в сферу физической культуры использовались различные формы агитации: картины, плакаты, документальные и художественные фильмы, позже – телевизионные передачи [7]. На становление клубного бегового движения в СССР большое влияние оказало принятое в январе 1959 года совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров о реорганизации структуры и руководства советским физкультурным движением. На его основе был создан Союз спортивных обществ и организаций СССР, которому передано руководство физическим воспитанием и спортом в стране. В этой связи Н. С. Хрущев подчеркивал, что: «До сих пор руководство физкультурным движением в нашей стране осуществлялось государственным органом... Теперь найдена более целесообразная форма организации физкультурного движения, при которой решающую роль будут играть общественные организации» [Хрущев Н. С. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза // Правда. 1959. 28 января. URL: <http://oldgazette.narod.ru/pravda/28011959/text9.html> (дата обращения: 20.01.2023)]. Такое решение рассматривалось как очередной шаг к коммунистической формации, предполагавшей, как известно, «отмирание государства», этапом движения к которому стало развитие самостоятельных организаций – союзов, обществ и клубов, в том числе и физкультурно-спортивных. Также следует отметить и более поздние нормативно-правовые акты, способствующие широкому распространению движения КЛБ. Например, Конституция СССР 1977 года закрепила положение о том, что государство поощряет деятельность, способствующую укреплению здоровья, а совместное Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР по вопросам физической культуры и спорта от 11 сентября 1981 г. «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» предусматривало активизацию работы по развитию на общественных началах физкультурного клубного движения. В 1982 году был создан Всесоюзный совет клубов любителей бега и ходьбы, а Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР представил Типовое положение организации и деятельности КЛБ. 1983 год был отмечен таким значимым для развития любительского бегового движения в СССР событием, как проведение I Всесоюзной конференции по оздоровительному бегу и ходьбе, участие в которой приняли представители более 500 КЛБ всех союзных республик. Таким образом, можно констатировать государственную заинтересованность в организации в СССР клубного бегового движения, которое, с одной стороны, было элементом гражданского общества, а с другой – способствовало реализации государственной политики, в силу чего имело поддержку властных структур различного уровня.

Что же побуждало жителей Советского Союза организовываться в клубы любителей бега? В первую очередь – забота о своем здоровье. Как указывается в [12, с. 11], опрос 200 членов различных КЛБ показал, что главной целью их нахождения в беговых клубах было укрепление здоровья и предупреждение заболеваний. Несмотря на программы и лозунги, массовая физическая культура в СССР во второй половине XX века была в тени олимпиад, крупных международных соревнований и спартакиад, призванных продемонстрировать всему миру достижения советского строя и ориентированных на фактически профессиональных спортсменов, способных к выдающимся результатам (официально профессиональный спорт до конца 80-х гг. в Советском Союзе не существовал) или хотя бы к получению зачетных очков для выполнения плана республики, области, предприятия «по медалям». Внимание к спортивно бесперспективным физкультурникам, особенно среднего и старшего возраста, было достаточным только в отчетах. При этом научно-техническая революция, охватившая

СССР в начале второй половины XX века, существенно сократила физическую активность значительной части населения, что привело к гиподинамии и, как следствие, росту «болезней цивилизации»: гипертонии, инфарктам, ожирению, диабету, неврозам, остеохондрозам и пр. Снижение физической активности способствовало кислородному голоданию головного мозга, отсюда ухудшение работоспособности, памяти и концентрации внимания, головокружения, сонливость или бессонница. В первую очередь все эти негативные последствия НТР коснулись городского населения, относящегося к категории инженерно-технических работников, а также все возрастающего количества ученых, преподавателей, водителей, бухгалтеров, программистов и прочих профессионалов, чья работа относится к малоподвижной. Именно эта часть общества первой столкнулась с необходимостью изменения образа жизни, и отнюдь не случайно основателем первого КЛБ в СССР при добровольном спортивном обществе профсоюзов «Спартак» стал математик, старший преподаватель ЛЭТИ имени В. И. Ульянова (Ленина) Олег Юлианович Лось (1923-2010), организовавший работу клуба в феврале 1968 года в Удельном парке Ленинграда. При этом, как утверждает на персональном сайте О. Ю. Лося [URL: <http://www.oj-los.narod.ru/> (дата обращения: 8.01.2023)], «в поисках организационных структур КЛБ и физиологических основ больших нагрузок в спорте Олег Лось обратился к первоисточникам кибернетики Норберта Винера», используя «идеи самоорганизации и самосовершенствования живой материи».

Огромной популярностью в СССР пользовались книги всемирно известных пропагандистов оздоровительного бега Артура Лидьярда «Бег к вершинам мастерства» (первое издание на русском языке – 1968 г.) [13] и Гарта Гилмора «Бег ради жизни» (первое издание на русском языке – 1969 г.) [5]. О книге Г. Гилмора автор предисловия к третьему изданию К. Никитин сообщает следующее: «Гарт Гилмор, говоря языком спортивных репортеров, побил, таким образом, сразу несколько рекордов. Он стал единственным зарубежным автором книги, в течение короткого времени выдержавшей в издательстве «Физкультура и спорт» три издания. Его книга получила почти самый крупный тираж в спортивной литературе за последние годы. Наконец, он стал самым читаемым в Советском Союзе новозеландским автором» [18, с. 5]. Г. Гилмор акцентировал внимание читателей на том, что из трех важнейших систем организма (дыхательной, сердечно-сосудистой и мышечной) для поддержания здоровья важнейшими являются первые две, поэтому следует не наращивать горы мускулов (чем занимались входящие тогда в моду культуристы), а делать упражнения для развития систем кровообращения и дыхания, лучшее из которых – бег, и предлагал методику оздоравливающих беговых занятий, разработанную совместно с А. Лидьярдом. На волне успеха книг А. Лидьярда и Г. Гилмора начали публиковать материалы о пользе бега такие массовые советские СМИ, как газеты «Правда», «Известия», «Советский спорт», журналы «Легкая атлетика», «Здоровье», «Наука и жизнь», «Физкультура и спорт» и другие. Огромной популярностью пользовались статьи и книги выдающегося кардиохирурга, доктора медицинских наук, академика Н. М. Амосова (1913-2002) [1], разработавшего систему оздоровления на основе правильного питания и физической активности и полагавшего, что для укрепления и сохранения здоровья необходимо в первую очередь развитие сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Большой отклик получило убеждение академика в том, что в большинстве болезней виновен сам человек, его неправильный образ жизни. Н. М. Амосов доказывал, в том числе и на личном примере, что медицина может спасти жизнь, избавить от некоторых недугов, на время улучшить самочувствие, но всецело уповать на ее возможности напрасно: здоровье нужно добывать самому. И далее в массовом сознании (в первую очередь в сознании городской интеллигенции как активных читателей газет, журналов и книжных новинок) рождается некий «руссоистский» ход

мыслей: если НТР порождает «болезни цивилизации», а научная медицина не всесильна, то избавление от них возможно на пути возвращения к природе как антиподу цивилизации, а также натуральным и «вненаучным» средствам оздоровления. Отсюда широкое увлечение сыроедением, «моржеванием», голоданием, иглоукалыванием, йогическими практиками, тибетской медициной, системой «Детка» Порфирия Иванова, употребление вместо лекарств мумие, женьшеня, облепихи, талой воды, настоя чайного гриба и т. п. В эту парадигму оздоравливающей естественности прекрасно вписывался лечебный («трусцой») бег, которому не надо учиться, он подходит для всех возрастов, особенно хорош на природе, бегать можно в любое время и при любой погоде, даже босиком, а в научно-популярной литературе писали о пользе присущего только бегу биомеханического резонанса, снижении для бегунов опасности возникновения раковых заболеваний, увеличении у мужчин количества тестостерона, а также о том, что некоторые индейские племена, добывавшие пропитание охотой беговым преследованием животных, поражали этнографов своим здоровьем и долгожительством [3, 12 и пр.]

Также в ряду предпосылок интенсивного развития КЛБ в 80-е годы следует отметить московскую Олимпиаду 1980 г. Бегающие трусцой ярко одетые иностранные болельщики привлекали внимание, а учитывая моду на все западное – вызвали желание подражать. «После московской Олимпиады бег стал статусным увлечением, вышел на улицы городов, приобрел черты «правильного» поведения жителя мегаполиса» [Козлов А. История Московского марафона. URL: <https://www.kant.ru/articles/1742527/> (дата обращения: 28. 12. 2022)]. Именно после Олимпиады, начиная с 1981 г., Москва организует ММММ – Московский международный марафон мира, который до 2013 г. был одним из самых массовых забегов в нашей стране.

Вставшие на путь бегового оздоровления горожане понимали, что далеко не все городское пространство благоприятно для беговой активности. Это сопряжено с интенсивным автомобильным и пешеходным движением, загазованностью улиц, их бетонным или асфальтовым покрытием, отсутствием освещенности и т. п. Поэтому бегуны концентрировались в парках, на набережных, на стадионах, куда чаще всего добирались на общественном транспорте. У физкультурников возникали проблемы поиска места для смены и хранения одежды, гигиенических процедур и отдыха после тренировки. Для разрешения этих проблем бегуны, объединившись, обращались к органам власти с просьбой о выделении на время занятий помещений, где можно было бы переодеться, принять душ и побеседовать с единомышленниками за чашкой чая. Как правило, властные структуры положительно реагировали на эти просьбы: во-первых, это поддержка «народной инициативы», «самодеятельности масс»; во-вторых, эта инициатива прекрасно вписывается в обязательные к исполнению партийные программы развития физической культуры; в-третьих, не требует значительных средств: бегунам не надо ничего строить, их вполне устраивает закрепление за ними небольшого времени использования парковых, стадионных и тому подобных помещений, даже подсобных: «Была группа энтузиастов – закоренелых зожников из числа ученых, академиков и военных офицеров, живших и работавших неподалеку от Парка Горького. До поры до времени они просто бегали по парку, а затем решили оформиться в клуб, чтобы получить какой-то кров над головой. <...> выделили сырой, заставленный всяким хламом подвал в здании администрации парка возле Крымского моста. Бегуны навели там порядок, обустроили раздевалки, душевые, комнату отдыха и так далее. Когда все это было сделано <...>, в клуб сразу же повалил народ. На тренировки по 500 человек приходили» [Лютых С. «Люди рванули на улицы». История российских бегунов, которые пережили развал СССР и лихие 90-е, но не сдались. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/06/04/marathon2/> (дата обращения: 29. 12. 2022)]. Так

стали образовываться клубы любителей бега.

Инициативный клуб как форма самоорганизации бегунов-любителей

Как ранее указывалось, в СССР насчитывалось более 2000 беговых клубов, но часть из них существовала только в отчетах, а некоторые по разным причинам прекращали работу в течение первого года своего существования. При этом ряд КЛБ, появившись в 60-80-е гг. прошлого века, успешно продолжали свою работу и в 2000-е годы. Это, например, «Урал-100» (Свердловск-Екатеринбург, создан в 1969 г.), «Сормович» (Нижний Новгород, 1972 г.), «Энтузиаст» (Ревда, 1973 г.), «Муравей» (Калининград-Королев, 1976 г.), «Парсек» (Москва, 1980 г.), «Мир» (Москва, 1981 г.), «Ласточка» (Новокузнецк, 1982 г.), «Гандвик» (Архангельск, 1982 г.), «Кедр» (Томск, 1983 г.), «Юность» (Омск, 1983 г.) «Сибиряк» (Кемерово, 1984 г.) «Сельмашевец» (Морозовск, 1988 г.) и другие.

Очевидно, что у каждого КЛБ была специфика образования и функционирования. Говоря о беговом клубном движении в СССР *вообще*, мы воспользуемся предложенным М. Вебером методологическим приемом конструирования генетического «идеального типа», применяя его к советскому КЛБ и используя при этом теорию клуба как общественной организации, разработанную в первую очередь В. В. Туевым и его научной школой [24]. В генерализированном изложении основные особенности КЛБ СССР можно представить следующим образом:

1. Причиной объединения людей в КЛБ было желание с наибольшей эффективностью использовать бег для достижения лечебных, оздоравливающих и личностносозидающих целей, в силу чего большую часть участников клубов составляли люди 30-60 лет, столкнувшиеся с обусловленными возрастом и образом жизни проблемами со здоровьем. Обеспечение этой эффективности для любителей-одиночек было затруднено, поскольку требовало знаний в области медицины и физической культуры, доступа к соответствующей инфраструктуре и дружелюбной, комфортной социальной среды, мотивирующей к достижению указанных целей и поддерживающей на пути к ним («некоторым <...> стыдно было просто идти по городу в спортивной форме, медленно бежать по городу» [Об опыте работы клуба любителей бега «Муравей». URL: <http://kosmar.ru>klb/Muravey35.doc> (дата обращения: 01. 02. 2023)]). Весь этот набор оптимальных условий могла предоставить только организация – объединение любителей бега в форме инициативного клуба, представители которого сами определяют формы, методы и задачи своей деятельности, находя для этого необходимые ресурсы. Как правило, КЛБ были клубами при организациях: вузах, НИИ, стадионах, общежитиях, ЖЭКах и т. п., которые предоставляли помещения любителям бега и нередко взаимодействовали с ними, например при проведении агитационных, мемориальных и праздничных мероприятий.

2. Областью «жизненного мира» КЛБ была сфера досуга (противопоставляемая сферам труда и быта, но связанная с ними), которая рассматривалась участниками клубов как среда многомерного развития человека на основе беговых практик, то есть как досуговая деятельность. КЛБ, таким образом, являлись одновременно коллективными субъектами и новыми для СССР формами такой деятельности.

3. Значительные по численности, развитые КЛБ существовали в форме *инициативного клуба*, о котором В. В. Туев писал: «Инициативный клуб – это <...> широко разветвленная многофункциональная самодеятельная досуговая организация энтузиастов (по В. И. Далю «увлеченных людей»), инициатива которых может

подвигнуться и к созданию кружков, и к образованию любительских объединений и к развитию других активных форм социально-культурной деятельности, ориентированных на удовлетворение запросов и интересов не только самих клубистов, но и других категорий населения» [24]. В этом определении, очевидно, два смысловых центра: организационная самостоятельность клуба и его нацеленность на преобразование посредством клубных практик и ценностей широких масс. Рассмотрим эти смысловые центры подробнее.

Специфика КЛБ (в отличие от государственных и профсоюзных клубов) заключается в том, что их работа в гораздо меньшей степени была политизирована и идеологизирована. Это их существенная особенность, поскольку в советское время «клуб больше не общественная организация, имеющая в своей основе самоуправление и яркие индивидуальные черты, самость, а массовое культурно-просветительное учреждение, организующее досуг населения и имеющее своей задачей коммунистическое воспитание» [25, с. 170]. Да, члены КЛБ принимали участие в агитационных и пропагандистских пробегах, ориентировались на государственные программы и документы в сфере физической культуры, но при этом в КЛБ не читались лекции о международном положении и задачах КПСС, в них не было идеологически заряженных «клубных работников» и пассивных посетителей как «объектов воспитательной работы в клубе». КЛБ во многом сумели сохранить *инициативную субъектность* как важнейший признак классического досугового клуба.

Ядром клуба была общественно-активная группа энтузиастов, которая, с одной стороны, принимала решение о создании клуба и взаимодействовала с внешним окружением КЛБ, а с другой – отвечала за его внутреннюю жизнь, начиная с построения графика совместных тренировок, распределения сфер деятельности и заканчивая организацией «внебеговых» клубных мероприятий, наподобие совместных чаепитий или экскурсий. «Идеальное ядро» управления КЛБ, способное обеспечивать его эффективность и устойчивое развитие, должно было включать любителей бега, относящихся к местным органам государственной власти; к управленческим структурам организации, выделившей помещение и способной оказывать поддержку КЛБ в дальнейшем; имеющим тренерское образование в сфере легкой атлетики (в том числе бывших спортсменов, знакомых с методикой беговой подготовки, а также инструкторов физической культуры на производстве), врачей, обеспечивающих членов КЛБ медицинскими консультациями, экономистов (бухгалтеров), способных организовать финансовый контроль хозрасчетного клуба, а также руководителей различных уровней, преподавателей, профсоюзных работников и прочих «общественников», в чьи функции как организаторов КЛБ входили пропаганда беговой активности и привлечение в клуб новых участников. Уже в силу своих статусов эти люди обладали высокими организаторскими и коммуникативными способностями, обращая их на пользу КЛБ. Весомость клубу придавали бывшие известные спортсмены, участники Великой Отечественной войны («Была группа ветеранов Великой Отечественной войны. Они бегали марафоны босиком под музыку, передавая друг другу баян или аккордеон. Зрелище фантастическое!» [Лютых С. «Люди рванули на улицы». История российских бегунов, которые пережили развал СССР и лихие 90-е, но не сдались. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/06/04/marathon2/> (дата обращения: 29. 12. 2022)]), прославленные передовики производства, яркие представители творческой интеллигенции. Таким образом, советский беговой клуб был уникальной общественной структурой, привлекавшей на добровольной основе в качестве организаторов важных для себя «ресурсных» людей практически из всех сфер жизни советского общества, объединенных увлеченностью бегом. При этом если человек не хотел заниматься

организаторской деятельностью и желал находиться в статусе рядового члена КЛБ, то у него была такая возможность: «...кроме председателя Совета клуба, тщательно хранящего анкеты членов клуба, о профессии занимающихся почти никто не знает. Не знает, кто он – доктор наук или рабочий, начальник отдела или слесарь-сантехник, воспитатель детского сада или конструктор. Человека воспринимают таким, какой он есть, какой его характер и взаимоотношение с людьми» [Об опыте работы клуба любителей бега «Муравей». URL: <http://kocmap.ru>klb/Muravey35.doc> (дата обращения: 01. 02. 2023)].

Еще одним важным компонентом самостоятельности клуба была его экономическая самодостаточность. КЛБ являлись хозрасчетными организациями, предполагавшими небольшие членские взносы для всех клубистов (в основном для закупки и размножения методической литературы, проведения пробегов и изготовления клубной атрибутики) и иногда абонентскую плату для участников тех групп, которые постоянно занимаются с тренером. Эти деньги шли на оплату тренерского труда.

Обращаясь к нацеленности КЛБ на экспансию своих ценностей и практик, отметим, что члены клуба были ориентированы на привлечение в него новых участников (например, девиз КЛБ «Муравей» гласил: «Ты бегаешь. Тебе хорошо! Не будь эгоистом, приведи своего товарища, пусть и ему будет хорошо!»), клубы были общедоступны, а самые известные из них развивали «заочную» деятельность, консультируя любителей бега – «одиночек» или только формирующиеся КЛБ в различных регионах СССР по методическим аспектам организации беговых занятий. Одним из самых действенных способов кооптирования новых членов и презентации своей деятельности для КЛБ стали разного рода *зрелища*, обращенные преимущественно к внешней среде. Этими зрелищами являлись массовые пробеги, которые осуществлялись, как правило, по городским улицам или между населенными пунктами участниками одного КЛБ или их объединений. С одной стороны, эти пробеги увязывались с государственными праздниками и памяtnыми датами, являясь формой манифестации приверженности членов КЛБ идеологическим ценностям Советского государства, а с другой – имели цели привлечения зрителей к беговой активности, к деятельности клуба, демонстрируя как общедоступность бега (участниками пробегов были люди разных возрастов), так и его полезность (об этом свидетельствовали подтянутость и жизнерадостность клубистов). Зрелищный компонент усиливался тем, что многие КЛБ практиковали после пробегов (или в их промежуточных пунктах) концертные выступления своих участников, которые пели, танцевали, читали стихи, рассказывали интересные истории о беге, своем клубе и т. п. Тем самым демонстрировалось комплексное воздействие беговой активности и построенной на ее основе клубной жизни на различные сферы личностного развития. Сила воздействия этих мероприятий на публику была такова, что нередкими были случаи организации КЛБ в тех населенных пунктах, через которые проходили трассы массовых пробегов.

4 . Сферами использования бега в достаточно многочисленных, развитых КЛБ были лечебная, оздоровительная и спортивная, что и обуславливало организацию в них соответствующих групп.

Бег с лечебными целями осуществлялся по рекомендации и под периодическим контролем медицинских организаций «как упражнение, завершающее восстановление опороспособности, подвижности суставов, силы мышц нижних конечностей и автоматизма полноценного передвижения бегом при остаточных нарушениях локомоторных движений после операций на центральной и периферической нервной системе» [Бег в лечебной

физкультуре. URL: <https://www.rostmaster.ru/lib/lfsurg/lfsurg-0018.shtml> (дата обращения: 14. 01. 2023)]. В лечебных группах нагрузки были минимальные, медленный бег чередовался с ходьбой и пассивным отдыхом, постоянно осуществлялся самоконтроль интенсивности физической нагрузки, в этой группе были самые частые медицинские осмотры. Лечебное применение бега охватывало большой круг заболеваний: «Е. Шестакова назначает бег своим пациентам при лечении гипертонии, кардиосклероза, нарушения солевого режима, расстройств нервной системы, избыточного веса; М. Гриненко – при лечении астмы, инфекционного полиартрита, ревматизма, инфаркта миокарда, атеросклероза, кардиосклероза, гипертонии; А. Свирский – при лечении полиартрита; А. Дибихев – при лечении сколиоза у школьников; С. Третьяков – при лечении больных «малыми» формами туберкулеза легких; Н. Макеева – при лечении гипертонии, вегетососудистой дистонии, кардиосклероза и т. д.» [Сюрпризы оздоровительного бега. URL: http://www.cnopm.ru/athletics/running/1983/january/surprises_jogging (дата обращения: 19. 01. 2023)].

Оздоровительные группы включали в себя подготовленных физкультурников, способных к достаточно длительной беговой локомоции (не менее 30 мин.) и, как правило, сочетающих беговые занятия с закаливанием, спортивными играми и общефизической подготовкой. Для них занятия в КЛБ были преимущественно развлекательными мероприятиями, формой активного отдыха, они или вообще не участвовали в соревнованиях, или делали это очень редко.

В спортивные группы КЛБ входили бывшие спортсмены, привыкшие к большим нагрузкам, и наиболее опытные бегуны-любители, для которых бег стал сферой саморазвития, личностного совершенствования: «Стало выясняться, оказывается, что даже у тех, кто приходил в клуб только побегать для здоровья, а иногда и прямо заявлял, что бег он (она) ненавидит, но «нужна фигура» или «врачи заставили», появилось желание соревноваться, хотя бы и с самим собой. Иногда просто преодоление дистанции на пробеге приносило огромную радость. Человек возвышался в собственных глазах» [Об опыте работы клуба любителей бега «Муравей». URL: <http://kocmar.ru>klb/Muravey35.doc> (дата обращения: 26. 01. 2023)]. Понятно, что ветераны спорта и любители, имеющие спортивные амбиции, не могли на равных состязаться с бегунами – членами легкоатлетических команд высшего уровня, специализирующимися на дистанциях, по которым тогда проводила соревнования ИААФ (Международная ассоциация легкоатлетических федераций). Тогда спортсмены-любители из советских КЛБ стали практиковать различные виды «нестандартного» бега, неинтересного для ориентирующихся на официальные соревнования профессионалов, в первую очередь сверхмарафонского, например на 100 км и суточного. Еще одним примером самодеятельности КЛБ было проведение «бегового шестиборья», предполагающего преодоление каждым бегуном шести дистанций (100, 200, 400, 800, 1500 и 5000 метров), при этом старт на 5000 метров давался не позднее 30 минут после завершения бега на 100 м.

5. Основными формами клубной жизни КЛБ являлись совместные тренировки; лекции, касающиеся различных аспектов беговой активности (медицинских, спортивных, организационных: лучшие места для бега, питание, экипировка, вопросы гигиены, отдыха и т.п.), клубные празднества (торжественное посвящение в члены клуба, день рождения клуба, массовые пробеги и т.п.), медицинские осмотры и организационные собрания. График работы каждого клуба подстраивался под потребности его участников. Типичными вариантами были или только воскресные встречи, или еженедельные

совместные многоразовые беговые занятия.

6. Очень важным является *экзистенциальное* измерение деятельности клуба как сферы общения единомышленников, поскольку именно клуб «...удовлетворяет те потребности человека, которые не может удовлетворить мастерская, семья, церковь, театр...» [24]. В мещанском сознании бегун-любитель – это если не сумасшедший, то точно чудак. Значительная часть городского населения СССР, особенно относящегося к рабочему классу, была выходцами из деревень в первом-втором поколении и в большинстве своем приверженцами традиционной культуры, которой беговая активность и, вообще говоря, поддержание здоровья средствами физической культуры были чужды: «...в силу психологических затруднений мы не готовы к тому, чтобы выйти на улицу и побежать. На нас давят традиции, а точнее, отсталые представления» [«А вы любите бег?» статья из книги Л. Маркова. URL: http://www.cnopm.ru/athletics/running/1984/february/do_you_like_running_article_from_book (дата обращения: 25.01.2023)]]). Как уже указывалось, увлечение бегом первоначально охватывало в основном интеллигенцию, хотя с развитием движения КЛБ в клубы приходили и представители иных социальных групп. Поэтому клубное общение с людьми, имеющими сходные ценностные ориентации, делало особенно значимой эту форму досуга: как говорилось в советском фильме «Доживем до понедельника» – счастье – это когда тебя понимают. Очевидно, что клуб не только объединяет единомышленников, но и на время *отделяет* их от не всегда комфортной социальной среды, и такое отделение участниками клуба понимается как благо. Недаром одной из форм бытия клуба является «кружок» – сама этимология этого слова предполагает внутреннюю замкнутость, изолированность, обособление.

Важно отметить и тот факт, что клуб создавал среду, с которой были несовместимы широко распространенные привычки, постоянство в которых зачастую приводило человека к физической (а порой и моральной) деградации. Еще Сократ говорил о том, что «если кто-то ищет здоровья, спроси его сперва, готов ли он в дальнейшем расстаться со всеми причинами своей болезни, – только тогда ты сможешь ему помочь» [Цит. по: 2, с. 181]. КЛБ давали примеры организации интересных, запоминающихся совместных праздников и вечеринок без употребления алкоголя и курения, организовывали встречи с интересными людьми, разного рода художественные конкурсы, туристические походы, экскурсии и т. п., то есть заботились о гармоничном развитии личности и вытеснении из ее жизни негативно воздействующих факторов.

Функции КЛБ

Функции КЛБ можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние функции направлены на членов клуба и связаны с обеспечением их комплексного развития на основе беговых практик, внешние функции ориентированы на социальную среду за пределами клуба. Очевидно, что внешние и внутренние функции диалектически взаимосвязаны, поскольку осуществляются одними и теми же агентами.

К внутренним функциям КЛБ можно отнести оздоровительную функцию; рекреативную функцию; функцию личностного совершенствования как развития физических и психических возможностей, в том числе трудовой потенциал; функцию защиты от неблагоприятных воздействий внешней среды; коммуникативную и познавательную (включая самопознание) функцию; функцию обеспечения групповой принадлежности.

Внешние функции можно представить в виде следующего набора: агитационная, мемориальная (например, Пробеги Памяти по местам воинской славы), просветительская

(разработка и предоставление заинтересованным лицам методик оздоровительного бега для различных групп населения, подготовка тренеров-общественников), социально-культурная функции (праздничные пробеги) и функция развития любительского (в том числе ветеранского) бегового спорта.

В рамках осуществления этих функций КЛБ стояли у истоков международного бегового туризма в нашей стране, участвуя в ветеранских соревнованиях и пробегах, проводимых странами социалистического лагеря; развивали любительский марафонский и сверхмарафонский бег не только среди взрослых любителей, но и в детской и подростковой среде (Владимир Волков из КЛБ «Муравей» в 13 лет стал рекордсменом мира среди 14-летних по бегу на 100 километров, а 23 юных бегуна из королёвского детского КЛБ «Муравейчик» в возрасте от 7 до 14 лет преодолевали марафонскую дистанцию [Об опыте работы клуба любителей бега «Муравей». URL: <http://kocmar.ru>klb/Muravey35.doc> (дата обращения: 26. 01. 2023)]); привлекали к беговой активности женщин, проводя пробеги-матчи только для женских команд КЛБ; придумывали формы семейных беговых практик с участием нескольких поколений родственников.

Подводя итоги, отметим, что миссией клубов любителей бега в СССР было совершенствование человека и общества посредством лечебных, оздоравливающих и личностносозидающих беговых практик, то есть в контексте деятельности КЛБ бег используется как эффективный способ приобщения к непреходящим гуманистическим ценностям: здоровью, калокагии, социальной активности, постоянному саморазвитию и т. п. Важнейшим результатом деятельности КЛБ следует считать доказанную эффективность такой практики, что выразилось в превращении бега в самый массовый вид физической культуры СССР: так, Всесоюзный день бегуна 1982 г. объединил на пробегах 47 миллионов человек разных возрастов [3, с.3]. Как совершенно справедливо полагает Н. Н. Визитей, «все компоненты здорового образа жизни – интеллектуальный, социальный, духовный, физический – связаны между собой. И все они являются компонентами целого, суть которого можно условно определить как экзистенциально-смысловое (или трансцендентальное, или культурно-телесное) благополучие человека» [2, с. 180]. Для многих советских граждан этой средой, местом «связывания» указанных компонентов здорового образа жизни и был беговой клуб.

Обращаясь к современности, следует помнить, что «никто не вливает молодого вина в мехи ветхие» (Лк. 5:37), однако опытом советских КЛБ пренебрегать нельзя. Конечно, современные беговые центры далеко ушли в части технического оснащения, соревновательных возможностей и развития методик бегового совершенствования. Но зачастую они подменяют коммерческой, маркетинговой или фитнес-составляющей «душу» бегового клуба – целостное развитие личности, лишая бег как элемент культуры с античности присущего ему экзистенциально-смыслового измерения. Может быть, именно этого «клубного» компонента недостает современным беговым школам и центрам для того, чтобы сделать оздоровительный бег таким же популярным, каким он был в нашей стране в конце прошлого столетия.

Библиография

1. Амосов Н. М. Раздумья о здоровье. М.: Молодая гвардия, 1978.
2. Визитей Н.Н. Теория физической культуры: к корректровке базовых представлений. Философские очерки. М.: Советский спорт, 2009.
3. Воробьев В. Н. Шедченко А. К. Вас приглашает КЛБ. М.: Физкультура и спорт, 1984.

4. Ворожко Ю. В., Червева О. П. История физкультурно-спортивного движения в Кемеровской области в середине 1980-х гг. // Вестник КемГУ. 2020. №1 (81). С. 1-12. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12.
5. Гилмор Г. Бег ради жизни. М.: Физкультура и спорт, 1969.
6. Зюрин Э.А., Рослая В.С., Коляскина Т.Ю., Сяфуков М.Р. Физкультурно-спортивные клубы как механизм реализации социально значимых проектов подготовки населения к выполнению испытаний (тестов) комплекса ГТО // Вестник спортивной науки. 2017. №2. С. 47-52.
7. Истягина-Елисеева Е. А., Бариеникова Е. Е. История спортивной пропаганды в СССР в период 1945-1991 гг. // Вестник спортивной науки. 2015. №3. С. 54-57.
8. Карташов Ю. М. Сюрпризы оздоровительного бега. М. : Физкультура и спорт, 1983.
9. Каунова Е. В. Сущность и популяризация здоровьесодержащей идеологии в СССР // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2021. №1. С. 47-55.
10. Коваленко Е. Ю., Тыдыкова Н. В. История развития законодательства о физической культуре и спорте в России // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. №1. С. 14-21. DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2021\)1.4](https://doi.org/10.14258/ralj(2021)1.4).
11. Колесников А. Б. Физкультура и спорт в СССР как социальная «лаборатория» конструирования идеала советского человека // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 170–178.
12. Коробов А. Н. О беге – почти все. М. : Физкультура и спорт, 1986.
13. Лидьярд А. Бег к вершинам мастерства. М. : Физкультура и спорт, 1968.
14. Лукаш М. А. Организация и популяризация молодежного массового спортивного движения на Ставрополье в 1960-х-1970-х годах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-i-populyarizatsiya-molodezhnogo-massovogo-sportivnogo-dvizheniya-na-stavropolie-v-1960-h-1970-h-godah> (дата обращения: 31.01.2023).
15. Мельничук А. А., Зотин В. В. Организация и работа клубов любителей бега // Научно-практический электронный журнал «Аллея науки». 2018. №4 (20). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35011347_54884316.pdf (дата обращения: 11.01.2023).
16. Мильнер Е. Г. Выбираю бег! М. : Физкультура и спорт, 1984.
17. Мураками Х. О чем я говорю, когда говорю о беге. М.: Эксмо, 2020.
18. Никитин К. Предисловие к третьему советскому изданию // Гилмор Г. Бег ради жизни. М.: Физкультура и спорт, 1973. С. 5-12.
19. Николаев Е. А. Всесоюзный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне» как феномен развития массовой физической культуры и спорта в СССР // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2022. №1. С. 107-120.
20. Павленко В. В. Создание союза спортивных обществ и организаций СССР: региональный аспект (на примере Пензенской области) // Известия АлтГУ. 2021. №5 (121). С. 19-24. DOI: 10.14258/izvasu (2021) 5-02.
21. Панфилов Б. К. Жизнь на втором дыхании // Наука и жизнь. 2001. №3. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/7740/> (дата обращения: 9.01.2023).
22. Петрик В. В. Некоторые вопросы развития физической культуры и спорта в высшей школе Сибири (конец 50-х начало 90-х гг. XX в.) // Известия ТПУ. 2005. № 6. С. 229-235.

23. Синякин С. С. Общественно-спортивное движение в Курской области во второй половине XX в // Известия АлтГУ. 2009. № 4-2. С. 195-200.
24. Туев В.В. Технология организации инициативного клуба: учебное пособие для вузов искусств и культуры. М.: МГУКиИ, 1999. 250 с. URL: <https://studfile.net/preview/4164912/> (дата обращения: 12.01.2023).
25. Шошина С. И. Специфика отечественного клуба на разных исторических этапах. Эволюция понятия «клуб»: от самоорганизующегося культурно-досугового сообщества к искусственно создаваемому клубу постоянных клиентов в коммерческой организации // Политика и общество. 2017. №4. С. 166-175. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.4.19809.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования («социокультурные факторы появления и деятельности клубов любителей бега в СССР»), рассмотрен автором в достаточной степени комплексно. Среди основных факторов автор выделяет: 1) сформированное в массовом сознании «желание с наибольшей эффективностью использовать бег для достижения лечебных, оздоравливающих и личностносозидающих целей»; 2) исторически сложившуюся специфическую область «жизненного мира» клуба в сфере досуга (противопоставленную сферам труда и быта, но связанную с ними); 3) разнообразие форм клубной жизни: «совместные тренировки; лекции, касающиеся различных аспектов беговой активности (медицинских, спортивных, организационных: лучшие места для бега, питание, экипировка, вопросы гигиены, отдыха и т.п.), клубные празднества (торжественное посвящение в члены клуба, день рождения клуба, массовые пробеги и т.п.), медицинские осмотры и организационные собрания»; 4) особое «экзистенциальное измерение деятельности клуба как сферы общения единомышленников». Эти факторы повлияли на разнообразный функционал бегового клуба в СССР. Автор, в частности, отмечает следующие «внутренние и внешние» функции: а) (внутренние) оздоровительная, рекреативная, личностного совершенствования, защиты от неблагоприятных воздействий внешней среды, коммуникативную и познавательную, обеспечения групповой принадлежности; б) (внешние) агитационная, мемориальная, просветительская, социально-культурная (праздничные пробеги) и «развития любительского (в том числе ветеранского) бегового спорта».

Проведенная автором аналитическая работа на основе научной литературы и достоверных источников позволила сформулировать обоснованный вывод о том, что современным беговым центрам, технически оснащенным гораздо лучше советских, недостает «клубного» компонента «для того, чтобы сделать оздоровительный бег таким же популярным, каким он был в нашей стране в конце прошлого столетия», который определяется коллективной общностью, отличающей клуб «от окружающей его социальной среды (в значении «самость»)».

Методология исследования скреплена обобщением эмпирического (источники) и теоретического (научные исследования) материала. Подробный исторический экскурс подкреплен анализом советской нормативной базы и ее сравнением с реальными практиками советского клубного движения. Используя типологию, автор выделил основные социокультурные факторы и функции советского клубного движения. Эмпирические источники и методы их анализа релевантны задачам исследования.

Выводы не вызывают сомнений.

Актуальность поднятой автором темы чрезвычайно высока. Информационные прессинг и перегрузки современного человека требуют общественной реакции в плане выработки механизмов эффективного здоровьесбережения. Опыт советских беговых клубов, многие из которых до сих пор активно осуществляют свою деятельность, безусловно, должен на достойном теоретическом уровне осмыслен и принят в практику управления социально-экономического развития как на уровне конкретных регионов Российской Федерации, так и на общенациональном уровне.

Научная новизна статьи заключается в обобщении уникальной выборки эмпирического материала, в рассмотрении клубного движения с позиции новейших разработок отечественных наук (культурологии и теории социокультурной деятельности — определение клуба Шошиной), в логично сформулированных выводах о социокультурных факторах развития бегового клубного движения.

Стиль в целом выдержан научный (есть лишние пропуски перед знаками препинания, которые может исправить редактор без последствий для содержания статьи)). Структура соответствует логике изложения результатов научного исследований.

Библиография соответствует редакционным требованиям и в целом подробно раскрывает проблемную область исследования, хотя не хватает хотя бы краткой оценки зарубежного опыта и научной литературы последнего времени (5 лет).

Апелляция к оппонентам абсолютно корректна и достаточна.

Выводы, интерес читательской аудитории журнала «Социодинамика», по мнению рецензента, обеспечен.

De-Commemoration as a Factor of Collective Memory Formation in South America

Kraev Oleg

Postgraduate Student, MGIMO University

76 Prospekt Vernadskogo str., Moscow, 119454, Russia

✉ olegkraev@gmail.com

Abstract. The article focuses on de-commemoration, i.e. the elimination of monuments and other objects with historical meaning, in South American countries. The goal is to analyse the examples of these processes found in different countries of the region, using a new typology of this yet insufficiently studied phenomenon, proposed by sociologists Tracy Adams and Yinon Guttel-Klein. There are examples of de-commemoration linked to democratization of socio-political and, consequently, cultural space in the region, as well as the revision of monumental heritage in the context of changing perceptions of society and some of its influential segments of the country's past or their transition from verbal rejection of certain objects to destructive actions. The novelty of the study lies in the use of the new typology, originally applied to the analysis of the Israeli experience, in the study of memorial objects in South America and the analysis of diverse memorial units and country-specific features of the processes of de-commemoration, namely desecration and reframing, primarily in Paraguay and Colombia. One of the main conclusions of the study is the possibility of de-commemoration in the studied region in relation to objects belonging to chronologically and essentially different historical periods and phenomena. The author also reveals the multifunctionality of de-commemoration. Finally, it has been found that the interest of the state in the implementation of memory policy in general and de-commemoration in particular often plays a decisive role in the implementation of projects in this sphere.

Keywords: planned obsolescence, reframing, desecration, vandalism, counter-monument, Alfredo Stroessner, Colombia, Paraguay, memory policy, de-commemoration

References (transliterated)

1. Rebrina L.N., Solnyshkina M.I., Soldatkina T.A. Collective Memory as a Social Construct in German Discourse. // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 878
2. Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'. // Neprikosnovennyi zapas, №2-2005. URL : <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (data obrashcheniya: 30.01.2023)
3. Aguilera C., Badilla Rajevic M. Human rights memorials in turmoil: Antagonistic memories in contemporary Chile. // Political Geography. 2022. Vol. 98. 11 p.
4. Whigham K. Resonant Violence: affect, memory, and activism in post-genocide societies. New Brunswick : Rutgers University Press, 2022. P. 117.
5. Greeley R.A., Orwicz M.R., Falconi J.L., Reyes A.M., Rosenberg F.J., Laplante L.J. Repairing Symbolic Reparations: Assessing the Effectiveness of Memorialization in the Inter-American System of Human Rights. // International Journal of Transitional

- Justice. 2020. Vol. 14. Issue 1. P. 168
6. Arnoso M., Bobowik M., Beristain C. La Comisión de Verdad y Justicia en Paraguay: la experiencia emocional en los rituales de conmemoración y la eficacia percibida de la comisión. // *Psicología Política*. 2015. Vol. 15. No. 32. P. 152
 7. Etkind A. Krivoe gore: pamyat' o nepogrebennykh. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. S. 227-228
 8. Adams T., Guttel-Klein Y. Make It Till You Break It: Toward a Typology of De-Commemoration. // *Sociological Forum*. 2022. Vol. 37. No. 2. P. 603-625.
 9. Le Goff Zh. Istoriya i Pamyat'. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2013. C. 81
 10. Oskvernenie i osvyashchenie // *Radio Svoboda*. 2002. URL: <https://archive.svoboda.org/programs/christ/2002/christ.060202.asp> (data obrashcheniya: 29.01.2023) - Radio Svoboda priznalo v RF SMI-inoagentom.
 11. Gordon A. The Writing and the Bronze: Commemoration as Historiography. // *Canadian Historical Review*. 2021. Vol. 102. Issue 3. P. 422
 12. Filev M.V., Kurganskii A.A. Demontazh pamyatnikov kak klyuchevaya chast' protsessy «dekommunizatsii» na Ukraine i v Pol'she posle 2014 goda. // *Baltiiskii region*. 2022. T. 14. № 4. S. 148
 13. Lazzara M.J. Justice and Its Reminders: Diamela Eltit's Puño y letra. In *The Memory of State Terrorism in the Southern Cone*. Palgrave Macmillan, 2011. P. 88.
 14. Rojas H., Shaftoe M. Human Rights and Transitional Justice in Chile. Palgrave Macmillan, 2022. P. 180
 15. Nickson A. La Caída de Alfredo Stroessner y el ocaso del sultanismo. // *Nuevo Mundo Mundos Nuevos*. 2020. URL : <http://journals.openedition.org/nuevomundo/80597> (data obrashcheniya: 29.01.2023)
 16. Demellenne J. Una interpretación de la historia política contemporánea del Paraguay a partir de la lectura de los golpes de Estado (1947-2012). In: *Stronismo: nuevas lupas*. Foz do Iguaçu: EDUNILA, 2021. P. 19
 17. Colmán Gutiérrez A. El día en que Stroessner fue derribado del cerro Lambaré. // *Última Hora*. 2016. URL : <https://www.ultimahora.com/el-dia-que-stroessner-fue-derribado-del-cerro-lambare-n992614.html> (data obrashcheniya: 20.02.2023)
 18. Colmán Gutiérrez A. A veces, el dictador se nos escapa... // *Última Hora*. 2016. URL : <https://www.ultimahora.com/a-veces-el-dictador-se-nos-escapa-n1046739.html> (data obrashcheniya: 29.01.2023)
 19. Ticio Escobar. // *Facebook*. 2023. URL : <https://www.facebook.com/photo/?fbid=10223404924937131&set=a.3972862645791> (data obrashcheniya: 29.01.2023)
 20. Este martes 28 se inaugura la restauración de una obra icónica de Carlos Colombino en la Plaza de los Desaparecidos. // *Municipalidad de Asunción*. 2022. URL : <https://www.asuncion.gov.py/intendencia/este-martes-28-se-inaugura-la-restauracion-de-una-obra-iconica-de-carlos-colombino-en-la-plaza-de-los-desaparecidos> (data obrashcheniya: 30.01.2023)
 21. Stevens Q. Vague Recollections: Obscurity and Uncertainty in Contemporary Public Memorials. Published in: P. Barron and M. Mariani (eds) *Terrain Vague: Interstices at the Edge of the Pale*. Routledge. 2013. P. 184
 22. Kotlomanov A.O. Pablik-art: stranitsy istorii. Fenomen kontr-monumenta i krizis memorial'noi traditsii v sovremennoi monumental'noi skulpture. // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie*. 2015. T. 5. № 1. S. 62

23. Ley № 5858. Biblioteca y Archivo Central de la Nación. 2017. URL : <https://bacn.gov.py/archivos/9760/Ley%205858.pdf> (data obrashcheniya: 01.02.2023)
24. Exhortan a desindividualizar obras públicas y retirar placas de homenaje a Stroessner. Cámara de Diputados. // Cámara de Diputados. 2021. URL : <http://www.diputados.gov.py/index.php/noticias/exhortan-desindividualizar-obras-publicas-y-retirar-placas-de-homenaje-stroessner> (data obrashcheniya: 01.02.2023)
25. Oquendo C. Un grupo de indígenas derrumba la estatua de Sebastián de Belalcázar en Colombia. // El País. 2020. URL : <https://elpais.com/internacional/2020-09-17/un-grupo-de-indigenas-derrumba-la-estatua-de-sebastian-de-belalcazar-en-colombia.html> (data obrashcheniya: 21.02.2023)
26. Oquendo C. Colombia busca resignificar los monumentos de conquistadores españoles. // El País. 2022. URL : <https://elpais.com/america-colombia/2022-09-06/colombia-busca-resignificar-los-monumentos-de-conquistadores-espanoles.html> (data obrashcheniya: 21.02.2023)

Spiritual Security in the Conditions of Modern Cultural and Civilizational Development

Popov Evgeniy Aleksandrovich

Doctor of Philosophy

Professor of the Department of Sociology and Conflictology of Altai State University

65649, Russia, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 513A

✉ popov.eug@yandex.ru

Abstract. The article reveals some possibilities for conceptualizing such a concept as spiritual security. At the same time, the author proceeds from the position that the political context of understanding spiritual security prevails in modern scientific discourse, but it clearly cannot be considered complete or sufficient. That is why the identification of spiritual security from the point of view of the cultural-philosophical approach provides the greatest heuristic potential for understanding spiritual security. Thus, the subject of the study is spiritual security within the boundaries of cultural and civilizational development. The emphasis is not on the genesis of the development of civilization and culture, but on their conjugacy in modern conditions. The main conclusions of this article are the following key provisions: 1) understanding the conjugacy of civilization and culture within the framework of the cultural-philosophical approach significantly increases the possibilities of conceptualizing these phenomena; 2) the study of spiritual security should be conducted through the prism of the correlation of this phenomenon with the levels of development of civilizations and cultures; 3) the absolute advantage of scientific understanding of spiritual security becomes a value-semantic perspective that allows overcoming the traditionally existing socio-political a vector in understanding spiritual security. The advantage of the proposed aspect is the orientation to the data of large-scale empirical studies devoted to the transformations of the value structures of human existence.

Keywords: World Values Survey, civilizational approach, the system of norms, value system, civilizational development, cultural crisis, transformation of values, civilization, culture, values

References (transliterated)

1. Besspalenko P.N. Dukhovnaya bezopasnost' v sisteme natsional'noi bezopasnosti

- sovremennoi Rossii: problemy institutsionalizatsii i modeli resheniya. Avtoref...diss. dokt. polit. nauk. R.-n.-D., 2009. 55 s.
2. Voropaeva E.V. Dukhovnaya bezopasnost' lichnosti i obshchestva kak ob"ekt strategii natsional'noi bezopasnosti // Trudy Belgorodskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii (s missionerskoi napravlennost'yu). 2018. № 7. S. 175-179.
 3. Goncharova L.N. Natsional'naya bezopasnost' kak rezul'tat dukhovno-nravstvennoi, ekonomicheskoi i politicheskoi bezopasnosti // Ekonomika i upravlenie v sovremennykh usloviyakh: sbornik trudov. Krasnoyarsk: Izd-vo: Sibirskii institut biznesa, upravleniya i psikhologii, 2016. S. 21-26.
 4. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. 816 s.
 5. Ingkharth R. Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak izmenyaetsya mir. M.: Mysl', 2018. 347 s.
 6. Ingkharth R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya M.: Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 s.
 7. Kazantseva D.B., Zolkin A.L., Karpenko O.A., Bezrukova O.V., Ivent'ev S.I. Dukhovno-nravstvennaya sfera sovremennogo rossiiskogo obshchestva: obespechenie bezopasnosti: monografiya. M.: RUSAINS, 2022. 78 s.
 8. Lapin N.I. Fundamental'nye tsennosti tsivilizatsionnogo vybora v KhKhI stoletii // Voprosy filosofii. 2015. № 4. S. 3-15.
 9. Stepin V.S. Ustoichivoe razvitie i problema tsennostei // Tekhnika, obshchestvo i okruzhayushchaya sreda: materialy mezhdunar. nauch. konf. (18-19 iyunya 1998 g., Moskva). M.: IF RAN: MNEPU, 1998. S. 11-21.
 10. Toinbi A. Postizhenie istorii. M.: Airis-Press, 2010. 640 s.
 11. Tyugashev E.A. Sotsial'no-filosofskie osnovaniya tipologii tsivilizatsii // Sfera kul'tury. 2020. № 1. S. 125-132. DOI: 10.48164/2713-301X_2020_1_125
 12. Uglinskaya N.A. Krizis kul'tury: krizis sistemy tsennostei ili krizis strategii deistviya? // KANT. 2020. № 3(36). S. 191-195. DOI:10.24923/2222-243Kh.2020-36.36
 13. Chuprov A.S. Kul'tura i tsivilizatsiya: tozhdestvo protivopolozhnostei // Sotsium i vlast'. 2020. № 5 (85). C. 95-104. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-95-104
 14. Shtompel' O.M. Sotsiokul'turnyi krizis: teoriya i metodologiya issledovaniya problemy. Avtoref. diss...dokt. filos. n. R.-n.-D., 1999. 52 s.
 15. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Politizdat, 1991. 530 s.
 16. Altikulaç A. Patriotism and Global Citizenship as Values: A Research on Social Studies Teacher Candidates // Journal of Education and Practice. 2016. Vol. 7. № 36. R. 26-33.
 17. D'Andrade R.G. Cultural Meaning Systems // Richard A. Shweder, Robert A. Levine. Cultural Theory. Essays on Mind, Self and Emotion. – Cambridge; L., N.Y., New Rochelle, Melbourne, Sydney: Cambridge University Press, 1984. P. 88-115.
 18. Debbarma M. Importance of Human Values in the Society // International journal of English language, literature in humanities. 2020. Vol. 2. Is. 1. R. 181-195. URL: <https://ijellh.com/wp-content/uploads/2014/04/Importance-of-Human-Values-in-the-Society-by-Dr-Mohan-Debbarma.pdf> (date of application: 12/12/2022).
 19. Frohlich M. Spiritual Discipline, Discipline of Spirituality: Revisiting Questions of Definition and Method // Spiritus A Journal of Christian Spirituality. 2001. № 1(1). R. 65-78.
 20. Hagen A. How to Engage in Practices of Critique? From a Universal Conception of the Good Life to the Contestation of Universals // Krisis. 2019. № 1. R. 2-14.
 21. Metzinger T. Spirituality and Intellectual Honesty [el. resurs].

URL: [https://www.blogs.uni-](https://www.blogs.uni-mainz.de/fb05philosophie/files/2014/04/TheorPhil_Metzinger_SIR_2013_English.pdf)

[mainz.de/fb05philosophie/files/2014/04/TheorPhil_Metzinger_SIR_2013_English.pdf](https://www.blogs.uni-mainz.de/fb05philosophie/files/2014/04/TheorPhil_Metzinger_SIR_2013_English.pdf)

(data obrashcheniya 16.08.2022)

22. Wei R. Civilization and Culture // International Review of Social Sciences and Humanities. 2021. Vol. 1. №. 1. R. 1-14.

Conceptualization of the "Leisure Practices" in Modern Sociology

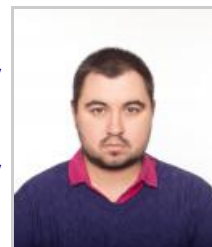
Ravochkin Nikita Nikolaevich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev, Associate Professor, Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy

650000, Russia, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya str., 28

✉ nickravochkin@mail.ru

Popov Evgeniy Aleksandrovich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Sociology and Conflictology, Altai State University

656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Lenin str., 61

✉ popov.eug@yandex.ru

Abstract. In this paper, the authors consider in detail the current state of the conceptual dictionary of sociology. The phenomenon of leisure practices is chosen as the object of research. And the subject of the study is the conceptualization of the concept of "leisure practices" in modern sociology. The authors consider in detail the formation of leisure in social and humanitarian scientific knowledge, starting with ancient philosophical ideas. The evolution of leisure practices from ancient forms to modern varieties is traced. Classical and modern works of foreign and domestic authors relevant to the subject are chosen as theoretical bases. It is noted that today leisure practices are considered mainly through the prism of three methodological approaches: symbolic interactionism, structural functionalism and neo-Marxism. The authors argumentatively show that during their development leisure practices occupy an important place in the structure of human activity, since they are one of the most effective ways of personal development, forming its spiritual and physical qualities. Leisure needs are firmly embedded in the value system of all social groups, while the progressive development of world civilization suggests new options and versions of organizing and spending free time. As a special contribution of the topics raised by the authors of this study for the modern sociological discourse, the necessity of continuous research of leisure practices is laid due to their dynamic nature and because of their determinism by contextual realities. The author presents his own concept of leisure practices, taking into account their essential characteristics and allowing to go beyond the one-sided understanding of leisure, for example, such widespread as identical to free time.

Keywords: self-realization, institute, identity, stratification, rest, needs, society, spare-time, individual, leisure practices

References (transliterated)

1. Asanova I.M., Deryabina S.O. Organizatsiya kul'turno-dosugovoi deyatel'nosti. – M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2011. – 192 s.
2. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. – M., 1996. – 489 s.
3. Golovina G.V. Kul'tura dosuga kak faktor formirovaniya sovremennogo obshchestva // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – 2010. – № 4. – S. 156-161.
4. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni. – M. «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole», 2000. – 304 s.
5. Grigor'eva N.V., Maslova O.M. Molodezhnyi dosug v usloviyakh sovremennogo goroda // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. – 2013. – № 2. – S. 109-113.
6. Drobinskaya E.I. Svobodnoe vremya i razvitie lichnosti. – L., 1983. – 89 s.
7. Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. – M.: Izd-vo «Nauka», 1991. – 158 s.
8. Zhurik T.S., Sherstyukova E.A. Rol' organizatsii dosuga v razvitii lichnosti studenta na primere Belgorodskoi oblasti//Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya. – T. 3. – №4. – S. 11-18.
9. Kazakova A.Yu., Pronovo Zh. Obshchestvo i dosug. (Referativnyi perevod s angl.) Pronovost G. Society and leisure // Current sociology. – L., 1998. – Vol. 46. – No 3. – P. 1–138. // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya. – 2019. – № 4. – S. 156-190.
10. Klimova T.V., Savchenko V.S. Vliyanie dosugovoi deyatel'nosti na sotsial'nuyu aktivnost' studentov // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2012. – № 56. – S. 69-74.
11. Marks K., Engel's F. Kapital Sochineniya. Izd-e vtoroe. – M., 1960. – T. 23. – S. 43–900.
12. Pirozhkova M.A. Kul'turno-dosugovaya deyatel'nost' kak faktor formirovaniya rechevoi kul'tury // Vestnik kul'tury. 2014. № 3 (27). S. 96-98.
13. Ponukalina O.V. Dosug v teoreticheskom diskurse sotsiologii: podkhody k issledovaniyu // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. – 2017. – T. 17. – № 6. – S. 83-89.
14. Prudenskii G.A. Problemy rabochego i vnerabochego vremeni. – M.: Nauka, 1972. – S. 41.
15. Ravochkin N.N. Rassmotrenie politiko-pravovykh institutov s pozitsii kriticheskoi teorii // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2021. T. 10. № 1A. S. 132-142.
16. Ravochkin N.N. Rol' idei v stanovlenii i transformatsii politiko-pravovykh institutov: teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty. – Kemerovo: KuzGTU, 2021. – 258 s.
17. Ravochkin N.N. Teoriya i praktika setevogo podkhoda v intellektual'noi istorii // Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2022. – № 3. – S. 151-162.
18. Ryabkov V.M. Antichnye idealy dosuga v kontekste sovremennykh sotsial'no-kul'turnykh praktik // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2019. – № 1 (87). – S. 133-138.
19. Ryabkov V.M. Problemy dosuga v nasledii Aristotelya // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2019. № 1 (46). S. 416-420.
20. Stebbins R.A. Svobodnoe vremya: k optimal'nomu stilyu dosuga (vzglyad iz Kanady) //

- Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2000. – № 7. – S. 64-72.
21. Syrtseva A.G. Dosug kak sotsiologicheskaya kategoriya // V sbornike: Zapiski filosofskogo fakul'teta Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – Orel, 2015. – S. 3.
 22. Fablinova O.N. Dosug kak ob'ekt izucheniya v zapadnoi sotsiologicheskoi mysli // Sotsiologicheskii al'manakh. – 2013. – № 4. – S. 447-453.
 23. Frolova E.M. Dosug kak filosofiya zhizni antichnogo intellektuala (po pis'mam Pliniya Mladshogo) // Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. – 2009. – № 8. – S. 393-400.
 24. Kheizinga I. Osen' Srednevekov'ya. – M.: Nauka, 1988. – 563 s.
 25. Khodnev A.S. «Novaya» istoriya dosuga kak issledovatel'skoe pole // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. – 2011. – T. 1. – № 1. – S. 23-27.
 26. Clarke J., Critcher Ch. Leisure and Inequality Sociology of Leisure. – London, 1994. – P. 247-255.
 27. De Grazia, S. Of Time, Work, and Leisure. – New York: The Twentieth Century Fund, 1962. – 559 p.
 28. Gabor D. Inventing the Future. – London: Pelican, 1964. – 199 p.
 29. Kando Th. Leisure and Popular Culture in Transition. – St. Louis: Mosby, 1980. – 343 p.
 30. Kelly J. R. Leisure. – Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1982. – 426 p.
 31. Shaw S. M. The Meaning of Leisure in Everyday Life // Leisure Sciences. – 1985. – № 7 (1). – P. 1-2.

The University's "Third Mission": Exploring the Potential of University Campuses in Interaction with Urban Communities

Vinogradova Irina Anatol'evna

PhD in Psychology

Associate Professor, Leading Researcher of the Laboratory of Educational Infrastructures of the Research Institute of Urban Studies and Global Education, Moscow City University

129226, Russia, Moscow, 2nd Agricultural passage passage, 4

✉ vinogradov.ir@yandex.ru

Ivanova Elena Vladimirovna

PhD in Psychology

Associate Professor, Head of the Laboratory of Educational Infrastructures of the Research Institute of Urban Studies and Global Education, Moscow City University

129226, Russia, Moscow region, Moscow, 2nd Agricultural passage passage, 4

✉ ivanovaev@mgpu.ru

Blinova Alexandra Olegovna

Junior researcher of the Laboratory of Educational Infrastructures, Research Institute of Urban Science and Global Education, Moscow City University

129226, Russia, Moscow, 2nd Agricultural passage passage, 4

✉ blinovaao@mgpu.ru

Abstract. City universities play a leading role in the formation of the educational, socio-cultural, intellectual environment of the city. At the same time, a new paradigm of interaction between universities and citizens is being formed as part of the implementation of the idea of "cities as communities of citizens", when urban communities become full-fledged subjects of

city development along with city authorities. In this regard, the subject of the study was to identify the potential of the university in interaction with urban communities. Research methods: survey, focus group interview with elements of brainstorming. The study involved representatives of various urban communities of Moscow (N=170), students, teachers of the Moscow State Pedagogical University (N=358). The results of the study. The priority areas of interaction between university campuses and urban communities can be identified as: educational (counseling and support of citizens, courses, clubs, webinar programs, clubs for children and adults, lectures; popularization of topics at the request of communities; supervision and care); diagnostic; research; volunteer; sports and recreation; infrastructure; cultural and leisure; expert; development of the city's infrastructure. When building such interaction, it is important to take into account: regulatory and legal aspects of providing university infrastructure to urban communities and attracting teachers and students to implement educational programs for citizens of different ages; the financial side of interaction with urban communities; requests from urban communities; psychological and organizational aspects of interaction with urban communities; interaction with municipalities and representatives of district administrations, educational and other organizations working with the public and interested in the resources of the university.

Keywords: educational direction, consulting direction, research direction, university infrastructure, leisure direction, urban communities, volunteer direction, needs, third mission, university campus

References (transliterated)

1. Ortega-i-Gasset Kh. *Missiya universiteta*. M.: Izdatel'skii dom VShE, 2019. 144 s.
2. Kudryashova E.V., Sorokin S.E. «Tret'ya missiya» universitetov kak predmet nauchnogo analiza // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. № 2 (136). S. 17–24 DOI: 10.25730/VSU.7606.20.020
3. Compagnucci L., Spigarelli F. The Third Mission of the university: A systematic literature review on potentials and constraints // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. No 161. P.120–284. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120284>
4. Shtykhno D.A., Konstantinova L.V., Gagiev N.N., Smirnova E.A., Nikonova O.D. Transformatsiya modelei universitetov: analiz strategii razvitiya vuzov mira // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2022. T. 31. № 6. S. 27–47. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-6-27-47
5. Mal'kovets N.V. Tret'ya funktsiya universiteta: potrebnost' ili obyazannost' // *Society and Security Insights*. 2019. T. 2. № 3. S. 177–184. DOI: 10.14258/ssi(2019)3-6282
6. Di Berardino D., Corsi C. A quality evaluation approach to disclosing third mission activities and intellectual capital in Italian universities // *Journal of Intellectual Capital*. 2018. № 19 (1). P. 178–201. DOI: 10.1108/JIC-02-2017-0042
7. *Universitetskii gorod: arkhitektura smyslov: sbornik statei / pod red. A. I. Shcherbinina, A. N. Raskhodchikova*. M. –Tomsk (i dr.): VTsIOM, Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (i dr.), 2021. 152 s.
8. Maassen P. et al. The place of universities in society: characteristics, changes, and challenges // *The Place of Universities in Society*. 2019. № 2(36). P. 104–114
9. Smirnov V.A., Fadeeva L.A., Punina K.A., Golubev S.V. Universitet i regional'nye (gorodskie) soobshchestva: modeli sosushchestvovaniya i upravlencheskie mekhanizmy integratsii (rossiiskii i evropeiskii opyt) // *ARS Administrandi. Iskustvo upravleniya*.

2013. № 4. S. 103–116.

10. Kak uvelichit' chelovecheskii kapital i ego vklad v ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitiye: tezisy doklada / pod red. Ya.I. Kuz'minova, L.N. Ovcharovoi, L.I. Yakobsona. M.: NIU VShE, 2018. 63 s.
11. Emel'yanova I.N., Volosnikova L.M. Funktsii sovremennykh universitetov: Sravnitel'nyi analiz missii otechestvennykh i zarubezhnykh vuzov // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2018. T. 22. № 1. S. 83–92. DOI: <https://doi.org/10.15826/umpa.2018.01.008>
12. Florida R. Kreativnyi klass. Lyudi, kotorye sozdayut budushchee. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 384 s.
13. Korshunov G.V., Vedernikova I.O., Dubikovskii S.Yu. Universitet v srede nebol'shogo goroda: flyuidy kampusnogo uklada // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2019. T. 28. № 2. S. 134–143. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-2-134-143>
14. Sulimov K.A., Borisova N.V., Borodina L.S. Strategicheskie orientiry i missii sovremennykh universitetov v zerkale ikh organizatsionnoi struktury // Vlast'. 2016. № 11. S. 60–66.
15. Puchkov M.V. Universitetskii kampus: vzaimosvyazi obrazovatel'nykh tekhnologii i modelei formirovaniya arkhitekturnogo prostranstva // Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2021. T. 25, № 4. S. 109–119. DOI: 10.15826/umpa.2021.04.039
16. Asonova E.A., Metelkina Yu.S., Senenko O.V. Lokal'nye soobshchestva i gorodskie organizatsii: pole kommunikatsii // Gorodskoi universitet v prostranstve megapolisa: kommunikatsionnyi aspekt: Monografiya / Pod red. S.N. Vachkovoï. M.: Ekon-inform. 2018. S. 83–96.
17. Anisimov N.O. Gorodskoe soobshchestvo v teoriyakh i predstavleniyakh gorozhan // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2019. T. 44. № 44. S. 714–721. DOI: 10.18413/2075-4566-2019-44-4-714-721
18. Zakharov V.M., Bykhtin O.V., Yurkova O.N. Obosnovanie sistemy pokazatelei, pozvolyayushchikh diagnostirovat' sostoyanie konsolidatsii gorodskikh soobshchestv v Rossii // Vlast'. 2021. № 6. S. 193–199. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8714>
19. Senge P. Pyataya distsiplina. Iskusstvo i praktika obuchayushcheisya organizatsii. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 496 s.
20. DuFour R., Eaker R.E. Professional learning communities at work. Best practices for enhancing student achievement. Alexandria, Virginia, 1998. 351 p.
21. Vinogradova I.A. Markova V.K., Ivanova E.V., Ioffe A.N., Bychkova L.V. Sozdanie i soprovozhdenie obuchayushchikhsya soobshchestv pedagogov v shkole: Metodicheskie rekomendatsii. M.: ID «Metodist», 2022. – 44 s.
22. Smyslova S. Proektirovanie obrazovatel'nogo opyta. M.: School of Education, 2022. – 352 s.
23. Sukhinov A.I., Ugnich E.A. Malye innovatsionnye predpriyatiya pri universitetakh: bar'ery i vozmozhnosti razvitiya. Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2017. T. 21. № 4. S.98–105. DOI: 10.15826/umpa.2017.04.053

Socio-Cultural Factors of the Emergence and Activity of Running Clubs in the USSR

Kannykin Stanislav Vladimirovich

Abstract. The subject of the study is the socio-cultural determinants of the genesis and functioning of the running clubs of the USSR in the period 1968-1991. The objectives of the work: to determine the prerequisites for the emergence of the running club movement in the USSR; to reveal the essential features of the club as initiative clubs for the self-organization of amateur runners; to identify the external and internal functions of running clubs. The source base of the research was both scientific publications and the memoirs of the organizers and the first participants in the activities of the KLB in the USSR presented on the Internet. The methodological basis of the work is a philosophically oriented socio-cultural approach, within the framework of which the study of complex social and cultural relations in the area of origin, functioning and influence on Soviet society of the activities of running clubs, as well as the methodological technique of constructing a genetic "ideal type" by M. Weber is carried out. The main prerequisites for the emergence of the KLB are seen in the traditions of leisure running practices of pre-revolutionary Russia; the Soviet TRP complex; the development of physical culture and sports public organizations; problems generated by the NTR; the impact of Western running culture. From the perspective of determining the essential features, KLBS are considered as initiative leisure clubs focused on ensuring the maximum efficiency of using running to achieve the therapeutic, healing and personality-building goals of their participants. The mission of the KLB was the improvement of man and society through running practices, the assertion on their basis of enduring humanistic values: health, kalokagatiya, social activity, self-development. The innovation of the KLB in the functional aspect was the development of super marathon running in the USSR, the mass involvement of women in running activity, the development of methods of recreational running for various groups of the population, the cultivation of veteran running amateur sports, the unification of running and artistic practices in the framework of entertainment events.

Keywords: personal development, health running, ultramarathon, medical run, scientific and technological revolution, Soviet Union, physical education, running clubs, public organizations, leisure

References (transliterated)

1. Amosov N. M. Razdum'ya o zdorov'e. M.: Molodaya gvardiya, 1978.
2. Vizitei N.N. Teoriya fizicheskoi kul'tury: k korrekcirovke bazovykh predstavlenii. Filosofskie ocherki. M.: Sovetskii sport, 2009.
3. Vorob'ev V. N. Shedchenko A. K. Vas priglashaet KLB. M.: Fizkul'tura i sport, 1984.
4. Vorozhko Yu. V., Cherveva O. P. Istoriya fizkul'turno-sportivnogo dvizheniya v Kemerovskoi oblasti v seredine 1980-kh gg. // Vestnik KemGU. 2020. №1 (81). S. 1-12. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-1-12.
5. Gilmore G. Beg radi zhizni. M.: Fizkul'tura i sport, 1969.
6. Zyurin E.A., Roslaya V.S., Kolyaskina T.Yu., Syafukov M.R. Fizkul'turno-sportivnye kluby kak mekhanizm realizatsii sotsial'no znachimykh proektov podgotovki naseleniya k vypolneniyu ispytaniy (testov) kompleksa GTO // Vestnik sportivnoi nauki. 2017. №2. S. 47-52.

7. Istyagina-Eliseeva E. A., Barienikova E. E. Istoriya sportivnoi propagandy v SSSR v period 1945-1991 gg. // Vestnik sportivnoi nauki. 2015. №3. S. 54-57.
8. Kartashov Yu. M. Syurprizy ozdorovitel'nogo bega. M. : Fizkul'tura i sport, 1983.
9. Kaunova E. V. Sushchnost' i populyarizatsiya zdorov'esoderzhashchei ideologii v SSSR // Novye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy. 2021. №1. S. 47-55.
10. Kovalenko E. Yu., Tydykova N. V. Istoriya razvitiya zakonodatel'stva o fizicheskoi kul'ture i sporte v Rossii // Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal. 2021. №1. S. 14-21. DOI: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2021\)1.4](https://doi.org/10.14258/ralj(2021)1.4).
11. Kolesnikov A. B. Fizkul'tura i sport v SSSR kak sotsial'naya «laboratoriya» konstruirovaniya ideala sovetskogo cheloveka // Istoricheskii kur'er. 2021. № 6 (20). S. 170–178.
12. Korobov A. N. O bege – pochtu vse. M. : Fizkul'tura i sport, 1986.
13. Lid'yad A. Beg k vershinam masterstva. M. : Fizkul'tura i sport, 1968.
14. Lukash M. A. Organizatsiya i populyarizatsiya molodezhnogo massovogo sportivnogo dvizheniya na Stavropol'e v 1960-kh-1970-kh godakh // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-i-populyarizatsiya-molodezhnogo-massovogo-sportivnogo-dvizheniya-na-stavropolie-v-1960-h-1970-h-godah> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
15. Mel'nichuk A. A., Zotin V. V. Organizatsiya i rabota klubov lyubitelei bega // Nauchno-prakticheskii elektronnyi zhurnal «Alleya nauki». 2018. №4 (20). URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35011347_54884316.pdf (data obrashcheniya: 11.01.2023).
16. Mil'ner E. G. Vybirayu beg! M. : Fizkul'tura i sport, 1984.
17. Murakami Kh. O chem ya govoryu, kogda govoryu o bege. M.: Eksmo, 2020.
18. Nikitin K. Predislovie k tret'emu sovetskomu izdaniyu // Gilmor G. Beg radi zhizni. M.: Fizkul'tura i sport, 1973. S. 5-12.
19. Nikolaev E. A. Vsesoyuznyi fizkul'turnyi kompleks «Gotov k trudu i oborone» kak fenomen razvitiya massovoi fizicheskoi kul'tury i sporta v SSSR // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. 2022. №1. S. 107-120.
20. Pavlenko V. V. Sozdanie soyuza sportivnykh obshchestv i organizatsii SSSR: regional'nyi aspekt (na primere Penzenskoi oblasti) // Izvestiya AltGU. 2021. №5 (121). S. 19-24. DOI: 10.14258/izvasu (2021) 5-02.
21. Panfilov B. K. Zhizn' na vtorom dykhanii // Nauka i zhizn'. 2001. №3. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/7740/> (data obrashcheniya: 9.01.2023).
22. Petrik V. V. Nekotorye voprosy razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta v vysshei shkole Sibiri (konets 50-kh nachalo 90-kh gg. XX v.) // Izvestiya TPU. 2005. № 6. S. 229-235.
23. Sinyakin S. S. Obshchestvenno-sportivnoe dvizhenie v Kurskoi oblasti vo vtoroi polovine XX v // Izvestiya AltGU. 2009. № 4-2. S. 195-200.
24. Tuev V.V. Tekhnologiya organizatsii initsiativnogo kluba: uchebnoe posobie dlya vuzov iskusstv i kul'tury. M.: MGUKiI, 1999. 250 s. URL: <https://studfile.net/preview/4164912/> (data obrashcheniya: 12.01.2023).
25. Shoshina S. I. Spetsifika otechestvennogo kluba na raznykh istoricheskikh etapakh. Evolyutsiya ponyatiya «klub»: ot samoorganizuyushchegosya kul'turno-dosugovogo soobshchestva k iskusstvenno sozdavaemomu klubu postoyannykh klientov v kommercheskoi organizatsii // Politika i obshchestvo. 2017. №4. S. 166-175. DOI:

10.7256/2454-0684.2017.4.19809.